Алексей Слаповский

Недо

Роман

18+

Финалист премий
РУССКИЙ БУКЕР,
БОЛЬШАЯ КНИГА

Алексей Иванович Слаповский

Недо

Серия «Новая русская классика»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64047772
Недо: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134297-5

Аннотация

«Недо» – роман-столкновение. В устоявшуюся жизнь литератора Грошева, сменившего несколько работ, жен и квартир, врывается Юна, саратовская девчонка из новейшего поколения – стиль унисекс и полное отсутствие авторитетов. Она уже не смотрела мультик про 38 попугаев, «что-то слышала» про штурм Белого дома, но судит обо всем абсолютно уверенно. Устами этой «младеницы», возможно, и глаголет истина, но еще Юна отлично умеет воровать, драться, пить и задавать неудобные вопросы. Недооценил ее сначала Грошев. Недопонял. Да и себя, оказывается, тоже. Сплошное «недо» – как всегда.

Содержание

День первый	5
Ночь первая	43
День второй	75
Ночь вторая	92
День третий	95
Ночь третья	99
День четвертый	100
Ночь четвертая	101
День пятый	103
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Алексей Слаповский
Недо

© Слаповский А.И.
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до…
Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин,
И ту, которая одна,
Недолюбил.

В. Высоцкий

День первый

Грошев давно заметил, что состояние пограничной бессонницы, когда ты и не в яви, и не во сне, похоже на предсмертное. Наверное, так безнадежно уставшие от жизни люди хотят наконец умереть, но не получается. А жить нет сил. Вот и лежишь не шевелясь и покорно рассматриваешь картинки, которые показывает тебе твой бред. Там и запуск космического корабля, и полянка в желтых цветах с детским припевом из мультфильма, и слон, обхвативший хоботом бревно, и тонущий океанский лайнер, с которого сыплются человечки, и выступление неведомой рок-группы, исполняющей неведомую песню на неведомом языке, и скалящаяся, рычащая собака, которая прыгает на тебя и впивается в горло, но тут же исчезает, вместо нее толстый и горячий удав обвивает твою шею, а ты мутно думаешь: тоже страшно, но не так больно и крови не будет. А вот приятное видение: загорелая девушка в бассейне, в голубой воде. Она ныряет и выныривает зеленой русалкой с волосами-водорослями, нет, это не русалка, это осьминог, он хватает тебя щупальцами, тащит в глубину, а в глубине вдруг пустыня, и ты едешь по прямой и длинной дороге, один среди песка и кактусов, под палящим солнцем, и тут в тебя стреляют из темноты, ты лежишь и обижаешься, что убили, с чем тебя и поздравляют средь шумного бала, поднося бокал холодного шампанского,

ты пьешь его жадно, большими глотками и не можешь напиться, наоборот, жажда становится все сильнее…

А иногда ничего конкретного не видится и не слышится, только шипящая черно-белая рябь, как бывало в старых испорченных телевизорах.

В эту ночь Грошев долго терпел и все-таки не выдержал, в половине пятого проглотил таблетку. Заснул, и тут же его разбудил звонок телефона. Вернее, ему показалось, что тут же, на экране высветилось «10:10».

Обещал же себе Грошев, что будет отключать телефон на ночь, но не отключает.

Также он обещал себе не отвечать на номера без имени. И – отвечает.

Быть может, ждет звонка, который изменит его жизнь, хотя давно понял, что такого звонка не будет и что жизнь его не изменится. Или это настороженная отзывчивость: вдруг звонящему что-то очень нужно, что-то жизненно важное? Не ответишь, а потом узнаешь, что у человека было несчастье и ты мог выручить, но не выручил, и будешь терзаться.

– Привет, Миша, не очень рано? – спросил женский голос. – У нас тут одиннадцать уже.

– Где у нас?

– В Саратове, где же еще! Ты чего, не узнаешь?

– Если честно…

– Это я, Люда Суровикина! Надеялась, что ты мой голос не забыл, ладно, бог простит, сколько времени прошло!

Люда Суровикина, вспоминал Грошев. Кто такая Люда Суровикина? По голосу старуха, но бодрой интонацией молодится. Шут с ней, неважно.

– Я сразу по делу, ладно? У моей племянницы подруга умерла, не сейчас, раньше, у нее дочь осталась, а в Москве у нее брат двоюродный, у него какая-то фирма, и она туда поехала, потому что тут ни работы, ничего, а брат богатый, обещал пристроить, когда она еще живая была.

– Чей брат, кто умер, кто поехал?

– Брат ее матери, которая умерла.

– Чьей матери?

– Юны! Юной девочку зовут, Юнона, если полностью, они с зимы еще договаривались, что она приедет, она и поехала, а он ей вечером звонит в поезд, прикинь, она уже едет, а он звонит и говорит: мы всей семьей за город уезжаем, встретить и принять тебя не можем, в Москве карантин объявят скоро, так что ты давай езжай обратно! Девочка в шоке, но из поезда-то не выскочишь, доехала, торчит сейчас на Павелецком, плачет, звонит Кате, что делать, говорит, не знаю.

– Какой Кате?

– Племяннице моей, господи, я сказала же! Звонит ей, а она мне, я тоже всем звоню, ищу варианты, и тут мне Саша Горелых сказал, что у тебя был проездом, что ты один живешь, номер твой дал, очень тебя хвалил, что ты гостеприимный! Сашу-то помнишь?

– Помню, и что?

– Как что? Приюти девочку, не возвращаться же ей обратно, в самом деле!

– На сколько?

– Да ненадолго! Договорится как-то с этим, все-таки дядя, хоть и двоюродный, найдет ей что-нибудь. Катя говорит, она девочка хорошая, порядочная, тебе никакого беспокойства не будет. Если ты ее сам не побеспокоишь, старый кобель!

И Люда Суровикина закашлялась шаловливым смехом. Совершенно непонятно, какие у нее были основания называть Грошева старым кобелем. Видимо, хотела сказать ему что-то лестное.

– Я тоже уезжаю, – без угрызений соврал Грошев: его оправдывало законное желание защититься от бесцеремонной назойливости. – Недели на две. Так что…

– Еще лучше! – обрадовалась Суровикина. – Оставь ей ключи! Квартиру твою постережет, Москву посмотрит. Заодно окна тебе помоет, спорить могу, что у тебя окна немытые, я вот всегда окна в это время мою, а сейчас грязные стоят, ни до чего абсолютно, люди все растерянные, я тоже. И не сказать, что времени нет, а настроя никакого, понимаешь? Тут ведь как: когда все охота делать, то все и охота, а когда ничего неохота, то ничего и неохота!

– Ты меня не дослушала! – сердито сказал Грошев. – Насчет поездки я еще не решил, жду звонка, все еще может сорваться, но…

– Это правда, у всех все срывается, та же Катя магазин

свой…

– Я к тому, что, даже если не уеду, у меня полно работы!

– А чем она тебе помешает? Наоборот, приготовит, посуду помоет, еще больше наработаешь. Ты с ней помягче, Миша, сам понимаешь, какая ситуация. Полная сирота, надеялась жизнь свою пристроить, и такой облом. Мне больше не к кому обратиться, кроме как к тебе, в честь того, что у нас было, Миша, не откажи! Помнишь ведь? Помнишь?

– Помню, – сказал Грошев, ничего не вспомнив.

– Я бы видео включила, сразу бы узнал, но я такая страшная с утра, не хочу тебя расстраивать.

Тут в телефоне неприятно, до щекотки в ухе, загудели шмелиные звуки нового вызова.

– Мне тут кто-то звонит…

– Да она, кто же еще! Я номер ей твой дала, сказала позвонить минут через пять, а мы с тобой болтаем тут. Все, отвечай, а то она, наверно, вся рыдает! Целую-обнимаю, пока!

Грошев переключился, ответил.

Девушка не рыдала, говорила холодно и недовольно. Словно не она звонила, а ей, словно хотела поскорее покончить с разговором. Получить отказ и уехать обратно с подтвержденной обидой на весь свет.

– Здравствуйте, это Юна, – сказала она. – Я тут на вокзале… На Павелецком.

– Вам негде остановиться?

– Ну да.

– Вопрос в том, что я сам могу уехать. Скорее всего, послезавтра. Если это устроит…

– Не знаю…

– У вас другие планы?

– Никаких у меня планов. Мне дяде посоветовали еще раз позвонить, а зачем ему звонить, если он меня завернул? Так что я без понятия.

Сказав это, Юна замолчала. Не ее теперь забота, пусть Грошев решает, как ей поступить.

– Ладно, – сказал Грошев. – Приезжайте, и обсудим. В любом случае обратный поезд вечером, если захотите уехать.

– Тут и дневные есть. Проходящие.

– Решили вернуться? – подсказывал Грошев.

– Почему? Хотя бы Москву посмотреть, если приехала. Я тут только в детстве была.

– Ну, тогда жду. Адрес сейчас пришлю. На такси – полчаса.

– Я на метро поеду.

– Тяжело с вещами.

– У меня чемодан на колесах и рюкзак – нормально.

– Хорошо. Тогда спускайтесь в метро, доедете до «Тверской», а там…

– Да я сама соображу, адрес пришлите.

– Ну и славно.

Грошев послал ей адрес, выпил растворимого дешевого кофе – не очень вкусно, зато быстро, пошел умываться, чи-

стить зубы и бриться. Бреясь, думал, что не повезло: волосы на щеках, под носом и на подбородке редкие, тонкие, а то отрастил бы бороду и избавился от ежедневной докуки бритья. Впрочем, иногда он дня по три не бреется: красоваться не перед кем. С прической проще – длинные полуседые волосы Грошев заглаживает назад и перехватывает резинкой, отчего становится похожим на ветерана рок-музыки или человека артистического образа жизни и мыслей, что не далеко от истины.

Глазами хозяина, встречающего гостя, то есть гостью, он осмотрел свое жилище. Эту квартиру Грошев купил четыре года назад после развода с женой. Малогабаритная двушка в блочной двенадцатиэтажной башенке, одиннадцатый этаж, площадь тридцать шесть метров, угловая, окна на две стороны, застекленный балкон, потолки низкие, хрущевка хрущевкой. Входишь в квартиру и попадаешь из крохотной прихожей в узкий коридор, слева две комнаты, маленькая и побольше, справа туалет и ванная, прямо по курсу кухня, из нее выход на балкон.

Похоже, бывшие хозяева в незапамятные времена затеяли ремонт и сразу же взяли мощный аккорд: устлали полы в комнатах паркетом. Он до сих пор выглядит солидно – настоящий, елочкой, полированный, древесно-желтый, с протоптанными темными полянами у дверей. Но, возможно, это не хозяева постарались, паркет имелся от рождения квартиры – Москва при возведении новостроек была подчас неожидан-

но тороватой, и, например, десятиметровые кухни в типовых квартирах не редкость; для провинциала, каковым был Грошев полжизни назад, – роскошь неописуемая. К сожалению, в этой квартире кухня не такая, шестиметровка.

А вот обои – точно дело рук хозяев. В большой комнате – голубоватые с серебристыми квадратиками, в маленькой – розоватые, по верху красная окантовка с вереницей желтых утят; тут была, видимо, детская. Грошев, когда вселился, ничего не стал менять, понимая, что косметическим ремонтом не обойдешься, а на серьезный не осталось денег. Большой комнате назначил быть гостиной и спальней, поставил вдоль одной стены шкаф-купе, напротив – раскладной диван, поместилось еще кресло, и на этом пространство кончилось. Положил посередке пестренький коврик, диван застелил таким же пестрым покрывалом – с ностальгической иронией усугубил советский стиль. А в маленькой – кабинет: три книжных шкафа, большой стол у окна, кресло-кровать, широкое, удобное, с торшером над ним. Обиталище аскетичного и мыслящего человека, ничего лишнего, внушает уважение.

В ванной же и в туалете – старая сантехника, нелепый кафель, снизу до половины темно-зеленый, под малахит, сверху бежевый, посередке бордюр с синими парусными корабликами на белом фоне.

Кстати! – вспомнил Грошев. Кстати, а ведь на дверях ванной и туалета нет замков, защелок и задвижек! Он еще, когда

въехал, удивлялся: знал, что здесь жили муж с женой и две выросшие дочери. Как они пользовались? Снаружи стучали, а изнутри отвечали, что занято? Грошев при вселении сначала хотел врезать современные ручки с защелками, но, зайдя в хозяйственный магазин за лампочками, увидел маленькие задвижки-шпингалеты оконного типа и купил их. И все собирался приделать, тем более что его навещала в последнее время женщина Маша, изредка оставаясь ночевать, но так и не собрался, четыре года задвижки ждали своего часа.

Грошев взялся за работу. Необходимые инструменты имелись: стамеска, молоток, отвертка, все было куплено тогда же, в хозяйственном, для будущих работ, к которым он так и не приступил.

Он аккуратно выдолбил стамеской углубление в косяке туалета, прикрутил к нему планку, а к двери привинтил задвижку. Закрылся изнутри, с досадой увидел, что штырек входит в углубление только краешком, чуть сильнее дернуть дверь снаружи или толкнуть изнутри, и она распахнется. Пришлось отвинчивать задвижку и приделывать заново. Зато, работая после этого в ванной, учел ошибку, все получилось как надо. И задвижки были в цвет золотистым круглым ручкам.

Работа заняла час с лишним, только он закончил – звонок домофона.

Подошел, снял трубку.

Вялый голосок:

– Это я.

– Заходи. Одиннадцатый этаж.

– Да, вы написали.

Грошев, занятый хлопотами, не успел представить себе эту Юну, а ведь интересно, какая она.

Может быть, высокая, стройная, с насмешливым взглядом. На третью ночь войдет к Грошеву, лежащему с книгой, и скажет:

«Знаете, Михаил, я иногда люблю эксперименты».

И спокойно разденется и ляжет рядом.

А может, она маленькая, тонкая, милая, проскользнет к Грошеву, лежащему с книгой:

«Михаил, мне так плохо одной, можно я с вами немного полежу?»

И ляжет, и задышит в плечо, замрет в ожидании.

Но, возможно, она девушка практичная, прямая, привыкшая, что ничего не дается даром. В комнату вкрадываться не будет, скажет за ужином так же буднично, как пережевывают пищу:

«Дядь Миш, денег у меня нет, а даром подживаться не хочу. Давай буду спать с тобой. Если ты можешь, конечно. Как у тебя с этим делом?»

«Все в норме».

«Тогда лады».

А может, это запуганная девочка, робкая сиротка, страшно привяжется к Грошеву, а он влюбится и однажды ночью

не выдержит, войдет к ней, она тут же вскочит, прижмется спиной к стене, натягивая на плечи одеяло, зашепчет лихорадочной достоевской скороговоркой, многословной и сбивчивой:

«Я хотела этого, Михаил Федорович, очень хотела, я каждую ночь этого ждала и об этом думала, такой себя негодницей чувствовала, что хоть воду холодную на себя лей, но вы ведь мне как отец теперь стали, и как же я смогу что-то с отцом-то? – ведь этого и я себе не прощу, и вы себе простить не сможете, нам расстаться придется, а я расставаться с вами не хочу, я до горячки дойду так, и думать об этом не хочу, и не думать об этом не могу; я знаете что поняла, Михаил Федорович, – любая любовь – это горе, потому что когда ничего нет, то и терять нечего, а когда что-то есть, бояться начинаешь, а я не хочу бояться, я устала бояться, у меня никого нет, я мать потеряла, не выдержу, если и вас потеряю, а потеряю обязательно, обязательно, я это чувствую, даже если вы меня не разлюбите, вы умрете, а я этого не переживу; что делать, скажите, вы старше, умнее, с вами быть мучительно, от вас уйти еще мучительнее, как быть?»

Грошев увлекся и мысленно начал сочинять ответ бедной девушке: дескать, если всего бояться, то и жить не стоит, а кто когда умрет, этого никто не знает, и это не повод отказывать себе в том, что…

Тут раздался звонок.

Грошев вышел в узкий тамбур, похожий на тюремный ко-

ридор с глухими металлическими дверями – три соседских и одна его, увидел сквозь матовое стекло коридорной двери силуэт девушки.

Мог бы раньше выйти, помочь, она же с вещами, упрекнул он себя.

Открыл, увидел худую невысокую девушку, круг-логлазую, как Чебурашка, в серой шапочке, шея обмотана толстым шарфом, тоже серым, черная куртка, черные джинсы, на ногах черные массивные ботинки с высокими зашнурованными голенищами, такие были модными у молодежи в девяностые, гриндера они назывались. Она и сама казалась ретродевушкой из девяностых. Правда, сейчас у молодежи нет общей моды, каждый сам создает себе индивидуальность, если это кого-то заботит. Похоже, ее – не очень.

– Далеко от метро идти, – сказала она так, будто Грошев был в этом виноват. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, проходите. Надо было раньше выйти, на «Дмитровской», и на трамвае почти до дома.

– Да ладно, прогулялась.

Грошев потянулся к ручке чемодана, но Юна прошла мимо него в квартиру, стуча колесиками чемодана по плиткам и слегка задев Грошева рюкзаком.

Он пошел за ней.

В прихожей Юна сделала шаг в сторону, в угол, и там остановилась. Словно ждала распоряжений.

– Значит, Юна? – Грошев запоздало протянул девушке ру-

ку. – А я Михаил Федорович.

– Мне сказали.

Она сунула Грошеву свою холодную ладошку, прикоснулась и тут же убрала.

– Ну, располагайтесь, давайте помогу.

– Да я сама.

Юна скинула рюкзак, сняла куртку, повесила на вешалку, стоящую в углу, – деревянную, старомодную, на четырех изогнутых лапах и с загнутыми рогульками наверху. Туда же повесила, размотав с шеи, шарф, под которым оказалась бледная тонкая шея. Долго расшнуровывала свои гриндера, Грошев подал ей тапки, но она, порывшись в рюкзаке, достала сверток, а из него – бордовые домашние тапки с помпонами.

Мамины, подумал Грошев.

– Завтракать? – спросил он.

– Спасибо, потом. Куда мне?

Вариант был один – в гостиную, она же спальня. А Грошеву придется и работать в кабинете, и спать в раздвинутом кресле. Вся его одежда – в спальне, там же и белье; надо будет переместить в прихожую, во встроенный шкаф.

Он провел Юну в комнату.

– Вот – твои апартаменты. Сейчас место в шкафу освобожу, располагайся.

– Хорошо.

– А потом все-таки позавтракаем. Или пообедаем, двена-

дцать почти.

– По-нашему час.

– Тем более.

Грошев перенес в прихожую кое-какие вещи первой необходимости и оставил Юну, деликатно прикрыв дверь (тоже без замка и без задвижки, только круглая ручка, как и на всех дверях), пошел в кухню. Выпил еще кофе, хоть и не надо бы, он чувствовал, что давление высокое, но мерить не захотел, да и тонометр в спальне. Давление – его ежедневное беспокойство. То сто тридцать на сто, а чувствуешь себя так, будто вот-вот инсульт шарахнет, то сто девяносто на сто двадцать, а ты не замечаешь. Опасный фактор. Плюс холестерин, плюс остеохондроз, плюс много еще чего по мелочам, при этом тело сухое, но не тощее, осанка молодая, взгляд остр и бодр. На вид здоров, внутри херов, как говаривал один из знакомых врачей.

Грошев вымыл посуду, скопившуюся в раковине, огляделся. Кухня – самое убогое место в квартире. Старая газовая плита, настенные дешевые шкафчики цветом под дуб, на стенах обои с изображениями чашек, ложечек, кофейных зерен и надписями «кофе» на нескольких языках. Потолок обклеен пластиковыми квадратами, как в какой-нибудь придорожной забегаловке девяностых годов, стол накрыт клеенкой, у стола четыре стула в стиле убогой бюджетной моды – с никелированными прутьями в спинках и сиденьями под кожу, на самом деле дерматиновыми, на них в холод седалище непри-

ятно холодилось, а в жару потело. И ведь тоже хотел поменять, но все откладывал. Начинал даже смотреть в интернете, но все не нравилось: либо дешевый шик, либо очень дорого. Так ничего и не купил.

Грошев вытер стол, убрал с него все лишнее, протер заодно и стулья, с огорчением видя, как на тряпке остаются темные от пыли следы.

Обследовал холодильник. Батон в упаковке, нарезанный, масло сливочное и растительное, горчица, буженина в вакууме, пяток яиц, помидоры, огурцы, несколько банок овощных, рыбных и мясных консервов. Готовить Грошев не любит, запасов не держит – чтобы всегда был повод промяться до магазина после сидячей работы. Кстати, пора закупиться, люди пишут, что исчезает гречка, что все запасаются туалетной бумагой, сахаром, консервами, слухи о карантине всё настойчивее. Чем мы лучше несчастной Италии или Испании, где карантин давно уже введен? А в Индии будто бы полицейские палками людей с улицы прогоняют. Надо думать, вранье, но вранье характерное. Надо сходить, надо; может, сегодня и надо.

А денег не миллионы, и тут вспомнилось, что он уже неделю собирается позвонить Тонкину.

Тонкин – его работодатель, дает переводить англоязычные детективы, а в последнее время и скандинавские с автоматическим подстрочником. Когда Тонкин первый раз подсунул такой детектив, шведский, Грошев спросил:

– И как я буду переводить, если я в шведском ни уха ни рыла?

– С немецкого переводил же.

– Я его немного знаю, а тут совсем ноль.

– Перестань, та же германская группа. А главное – фантазируй. Считай, что делаешь авторизованный перевод. У тебя стиль такой, что им и не снилось; если бы они так писали, мировыми звездами стали бы. Когда свою книгу напишешь уже?

– Пишу. Но это не детектив.

– Ну да, ты же интеллектуал!

И вот Тонкин должен ему денег. Довольно приличную сумму. Отговаривался тем, что в холдинге, куда входит его издательство, реорганизация, плюс переезд, плюс, сам понимаешь, кризис.

– Полгода, Толя! – упрекал Грошев. – Полгода я жду этих денег!

– Но я же плачу!

– В рассрочку, по чуть-чуть, мне едва хватает на жратву и коммуналку!

– Все сейчас так живут, Миша.

– И ты?

– Слушай, ну неприлично умному и взрослому человеку говорить такие вещи! Ты социалист, что ли? Хорошо, предложу тебе свое место, двенадцать часов работы в сутки, ответственность, никакой личной жизни – пойдешь?

– Я к тому, что себе ты наверняка платишь вовремя и полностью?

– А вот и нет, Миша, холдинг платит и тоже задерживает.

Теперь к этому добавится ссылка на вирус, на эпидемию. И все равно надо звонить, ругаться, пригрозить приехать и поговорить лично, глаза в глаза. Но не сегодня.

Юна вышла из комнаты с полотенцем в руках.

– Можно душ принять?

– Можно. Постой, я там кое-что…

Грошев зашел в ванную, прикрыв дверь, осмотрелся: нет ли чего личного вроде белья на виду? Белья на виду не было, но все, конечно, очень убого. Когда приделывал задвижки, не думал об этом, а сейчас стало досадно. На дне ванны полоса ржавого цвета, слив работает плохо, и, принимая душ, приходится стоять по щиколотку в воде. Раковина со сколами, с грязным ободком вокруг стойки крана, сам кран поворачивается туго, и ручка тоже тугая, чуть резче поднимешь ее – плещет и брызжет, опускаешь – еле течет. Над ванной красуется пластиковая разноцветно-полосатая мочалка – с ручками, чтобы можно было намыливать спину, ибо потереть-то некому.

Но ведь эта Юна, судя по всему, тоже не в хоромах жила. Да и замечают ли молодые люди что-то, кроме себя? Грошев в юности в каких только квартирах не побывал, и у бедных друзей и подруг, и у обеспеченных, и у богатых – по советским скромным меркам; разве рассматривал он обстановку

и вещи? Нет, не до этого было.

И Грошев вышел, ничего не сделав.

– Там, если надо, шампунь и все прочее, но мужского типа, – сказал он.

– У меня все есть. – Юна показала пластиковую сумочку. – Только фена нет.

– В шкафчике под раковиной, а розетка над зеркалом.

– Спасибо.

Грошев взялся готовить завтрак-обед. Салат из помидоров и огурцов, яичница-глазунья, буженина, масло вынул из холодильника, четыре ломтя хлеба подсушил в тостере. Заварил чай, хотя обычно пользуется пакетиками. Чай этот был кем-то подарен с рекомендацией, что у него уникальный вкус с ароматом тибетских трав. Грошев аромата не почувствовал, для него любой чай отдавал травой, необязательно тибетской, поэтому если он и пил его, то с молоком, а обычно глотал растворимый кофейный напиток – кружками, как пьют американцы. Бочковой, по выражению друга Кропалева, тоже человека одиноко живущего, но в пищевых пристрастиях взыскательного; он в своем блоге частенько описывает сравнительные качества различных продуктов и напитков, многие из которых Грошев не пробовал и не собирался. В частности, ни разу не ел суши и роллы, даже иногда этим хвастал, и все удивлялись: «Прямо-таки ни разу? Совсем?» – «Ни разу. Совсем».

Через полчаса сидели за столом. Лицо Юны, показавшее-

ся, когда Грошев ее впервые увидел, серовато-бледным, сейчас чуть окрасилось румянцем, волосы распушились и стали похожи на шалаш из темного сена, надетый на голову. Бывает – свои волосы, а будто парик, вот у Юны именно так.

Все в ее лице было как-то нескладно и друг другу неподходяще. Тонкий и прямой нос уместен на удлиненном лице, а у Юны лицо равносторонне-треугольное, с остреньким подбородком; пухловатая и довольно красивая нижняя губа подошла бы капризной симпатичной блондиночке, но на этом знаменателе покоился тонкий числитель губы верхней, умаляя дробь красоты; в круглых глазах хороши были бы наивность и простодушие с долей стеснительности, а они смотрят со скукой рано созревшей мудрости, которую ничем не удивишь.

– Нравится? – спрашивает Грошев о яичнице и буженине, о чае.

– Да, нормально, – отвечает Юна.

– Извини, на десерт ничего. Я сладким не слишком увлекаюсь. Мед есть. Хочешь батон с медом?

– Не очень. А водки нет у вас? Я иногда немного… Как транквилизатор. Успокаивает.

Была водка у Грошева, полбутылки в холодильнике, и он охотно достал ее и налил Юне стопку. Ему понравилось, что у девушки обнаружилась слабость, недостаток: с людьми, у которых есть слабости и недостатки, всегда меньше церемоний.

– А вы? – спросила Юна.

– Мне еще работать.

– Чуть-чуть не вредно. Я же не алкоголичка, чтобы одна пить.

– Я иногда пью один, и я не алкоголик.

– Вы понятно, вы один живете. Тогда я не буду.

– Хорошо, выпью. Чуть-чуть.

И Грошев налил себе на донышко стопки, но под взглядом Юны добавил. И еще добавил. Не до края, но две трети получилось.

А эта барышня умеет мягко давить, подумал он, с ней нельзя расслабляться. Как, впрочем, и с любой особью женского пола.

– За встречу, – сказал Грошев.

Юна кивнула и выпила одним глотком. Без лихости, но и не делая вид, что для нее это исключительная редкость, очень просто и спокойно выпила и деловито заела куском буженины.

– Где учились, что закончили? – спросил Грошев.

– В школе, потом, после девятого, в педколледж поступила на льготный бюджет, знакомые матери помогли… Не закончила, правда.

– А что за фирма у вашего дяди, кем он хотел вас устроить?

– Понятия не имею. Я его никогда не видела.

– И какие планы в таком случае?

– Побуду у вас, пока не уедете.

– Пока не уезжаю, позвонили – планы изменились.

Грошев, разглядев девушку, решил: пусть останется дня на три-четыре. Он не обнаружил в себе никакого к ней интереса – и слава богу. Ни красотой она не блещет, ни умом, провинциальная заурядочка, с такой рядом жить – все равно что с дальней родственницей, никаких эмоций, только легкое неудобство, компенсируемое приятным сознанием, что приютил сироту.

Грошев понравился себе этим решением, захотелось небольшой награды, он предложил:

– Еще по одной?

– Давайте.

– Не запьянеете?

– Я на это крепкая. И можно меня на «ты».

– Без проблем. Но меня, уж извини, на «вы», и Михаил Федорович. Не люблю я эту моду нынешнюю.

– Это не мода, а для удобства. И чтобы на равных. Или оба на «вы», или оба на «ты».

– А то, что кто-то старше, роли не играет?

– Какая еще роль? Дольше прожил человек – и что? Это заслуга какая-то?

– Разве нет?

– Нет. Мало ли кто как жил. А то получается, как типа в больнице сказать: я уже год болею, а ты только что в палату пришла, давай меня на «вы» и уважай, а я тебя на «ты» и в

упор уважать не собираюсь. Заслужи сначала!

– Странное сравнение. Но, значит, не надо заслуживать?

– Что? Чтобы как к человеку относились?

– Путаница у тебя в голове, Юночка. Ничего, что я так тебя назвал? Не харассмент, в суд не потащишь?

– Очень смешно, – хмыкнула Юна.

Хмыкнула, как показалось Грошеву, почти презрительно.

Все они такие, миллениалы эти, ни черта за душой, ни знаний, ни умений, часто и профессии никакой, а важничают и высокомерничают как настоящие. Надо бы на место ее поставить, да лень. Пусть, пусть обнаружит себя. Грошеву даже творчески выгодно – материал для наблюдения.

– Ладно, – сказал он, – оба на «ты», и я просто Михаил. За равенство!

Выпили.

Молча ели. Грошеву не придумывались вопросы, Юна тоже ни о чем не спрашивала. А могла бы: все-таки перед ней незнакомый человек, с которым придется быть рядом какое-то время. Чувствовалось, что она к Грошеву совершенно равнодушна, как к случайному попутчику в купе. Равнодушна вообще ко всему – сидит над тарелкой, ест, не поглядывая даже по сторонам, а ведь любому человеку бывает любопытно осмотреться в незнакомом месте. И что задумалась о своей доле, тоже незаметно. Просто сидит и ест, потому что есть хочет, вот и все. Удивительно бесцветная девушка.

– Может, прогуляемся? – предложил Грошев.

– Я Кремль хотела посмотреть.

– Не сегодня. Просто пройдемся по окрестностям.

– А что тут?

– Дома. Люди. Парк тут симпатичный.

– Я через него шла, да, нормально.

Понимай: видела я твой парк, больше не хочу.

– И другой парк есть, Тимирязевский, не парк, а целый лес. И пруд большой. Там некоторые уже сейчас купаются.

– Холодно купаться.

– Я и не предлагаю.

– Спасибо, я поспать собиралась. Ночью в поезде совсем не спала. Можно?

– Конечно. Сейчас разложу диван, постелю.

– Не надо, я сама, только покажите где что.

– Не соблюдаешь равенства! Мы на «ты».

– Ладно, покажи.

Грошев выдал ей комплект свежего белья и ушел в кабинет, сел за стол, открыл ноутбук, вознамерившись поработать.

Не работалось.

Разложил кресло, вспомнил, что подушки и одеяла в спальне. Дверь туда закрыта, стучать не хочется; он достал из шкафа в прихожей старую толстую пуховую куртку, свернул ее, положил под голову, улегся, взял планшет, чтобы что-нибудь почитать или посмотреть, но потянуло в сон, и он не стал этому противиться.

Проснулся под вечер – вялый, скучный. Выползая сознанием из сонной одури, вспомнил, что произошло что-то раздражающее, но не сразу вспомнил что.

Как «что»? Девчонка чужая приехала. Дрыхнет на его диване, а ему придется кукожиться в кресле. И заботься о ней, корми ее. Разговорами развлекай.

Грошев поднялся, пошел в ванную, умылся. Постоял у двери гостиной-спальни, прислушиваясь. Тихо. Приоткрыл дверь, заглянул. Юна спала, на кресло были брошены джинсы, носки – комком, а вот футболка аккуратно повешена на спинку. Уж или всё как попало, или всё повесила бы как следует, подумал Грошев. Никакой системы. Бестолковая девица. Утомляет, ничего не делая, одним своим присутствием. Даже в том, как лежит, ничком, уткнувшись лицом в подушку, чувствуется какая-то безысходная обыденность, до тошноты пресная. Из-под одеяла высовывается голая нога. Нога как нога, ничего в ней женского, скорее подростковая нога или худая мужская. Унисекс.

Грошев оделся и отправился в магазин.

По пути встретил двух девушек в масках. Все чаще попадаются берегущиеся люди, пусть эти маски ни от чего не спасают – такой вывод сделал Грошев, начитавшись всякой разности в интернете. Раздули для чего-то истерику, а на самом деле грипп как грипп. Сейчас под это жулики-фармацевты начнут рекламировать какой-нибудь спасительный фуфломицин, вылечивающий за три дня.

Во «ВкусВилле» Грошев обнаружил, что готовая еда, которую он частенько брал, исчезла. Нет винегрета, нет куриного филе с гречкой, нет холодца; оставшееся или слишком дорого, или в рацион Грошева не входит, а кусочек семги с листиком салата за триста пятьдесят рублей кушайте сами. Нет и картошки, нет гречневой крупы, помидоры только очень дорогие.

Грошев ушел из любимого магазина ни с чем, отправился в соседнюю «Пятерочку», где и набрал картошки, гречки, яиц, овощей, яблок, еще кое-чего по мелочам. Взял и бутылку водки. И вторую взял, другого сорта, подороже. И большую бутыль газировки – они все, молодежь, газировку глотают.

Грустно развлекся созерцанием старухи, которая наполняла тележку пакетами разных круп, сахара, положила две пластиковые банки соли, поразмыслив, добавила и третью. Взяла два увесистых двухкилограммовых пакета муки. Отошла, остановилась, осмотрела содержимое тележки, вернулась, один пакет муки поставила на полку. Опять отошла, опять вернулась, поставила и первый пакет, но взяла три килограммовых. Решила, видимо, что два кило муки маловато, а четыре не унесет, учитывая тяжесть и других продуктов, вот и выбрала средний вариант.

Когда вернулся домой, Юна еще спала. Грошев почистил и сварил несколько картофелин, превратил их в пюре – беспроигрышный вариант, всем нравится, – достал из морозил-

ки филе минтая и сунул в микроволновку размораживаться. И диетично, и питательно.

Лег, взяв планшет, посмотрел новости. Предрекают с понедельника нерабочую неделю, что-то вроде каникул. А кто их оплачивать будет? – спрашивали в комментариях. Все это кидалово в государственном масштабе, были уверены другие комментаторы. О вас же заботятся, дураки, защищали решения власти третьи, посмотрите, что творится в Италии. Нужен тотальный карантин на месяц.

Как ответ на это, появилась трансляция выступления Путина, в котором он объявил с понедельника, как и предрекали, нерабочую неделю и призвал граждан побыть дома.

Похоже, нешуточная начинается история. Насколько нешуточная? Посмотрим.

Однако уже десятый час, а Юна все спит.

Грошев постучал, громко спросил:

– Ты в ночь собираешься спать или как? Может, перекусим?

Через минуту открыла заспанная и хмурая Юна.

– У тебя тут график?

– Какой график?

– Ужин по графику? Я бы еще поспала.

– О тебе же забочусь, ночью не заснешь потом.

– Еще как засну. И о себе я сама позабочусь, ладно?

Она скрылась в туалете, потом перешла в ванную. Грошев за это время пожарил размороженную рыбу, с неудо-

вольствием думая о неприятной девушке, которая все воспринимает как покушение на ее самостийность. Делать ему больше нечего. А он тоже хорош – оправдывается, чуть ли не лебезит перед ней. Надо исправить, показать ей, кто есть кто.

Запах рыбной жарехи Юне покажется казенным, столовским, бесприютным – и пусть. Нечего обольщаться: как сам питаюсь, так и тебя угощаю, сварливо думал Грошев.

Ужинали так же уныло, как и обедали. Молчали. Меню было: разогретое пюре, рыба, хлеб и корнишоны из банки.

– Под огурчики угостимся? – спросил Грошев.

– Ты хочешь?

– Не прочь. День кончился, почему бы и нет?

Опять оправдываюсь, подумал Грошев. Но на этот раз – перед собой.

Они выпили по одной, по второй и по третьей. Стопки у Грошева стандартные, по пятьдесят граммов.

Ни на Юне, ни на нем выпитое не сказалось, разговорчивее они не стали. Грошев испытал что-то вроде пассивного азарта: а вот нарочно буду молчать, ни слова не пророню, посмотрю, как ты это выдержишь!

Юна выдерживала легко.

Спросила:

– Ты не куришь?

– Нет.

– А я выйду на балкон, можно?

– Травись на здоровье. До этого ты что же, терпела?

– Привыкла. Я в детском саду работала, там в помещении нельзя, а выходить – заведующая ругалась. А зимой холодно. Целый день терпишь иногда.

– Легче бросить.

– Наверно. Но в этом свой кайф. С утра до вечера не куришь, а потом затянешься – аж голова кружится.

У Грошева во рту защипало, а в желудке тоскливо сжалось. Он бросил курить, когда въехал в эту квартиру. Чтобы совсем уж новая жизнь. Бросил довольно легко, он тогда простудился, неделю не выходил из дома, запаса сигарет не было, а одеваться и тащиться в таком состоянии не хотелось. Болезненность и лень спасают от многих пороков.

За четыре года не раз накатывало желание закурить, но Грошеву жаль было достигнутого. В конце концов, воздух в квартире чище, одежда не пахнет, нет заботы покупать сигареты, да и экономия денег, что ни говори. Одно досадно – улучшения здоровья Грошев не почувствовал ни на каплю. А чего я хочу, говорил он себе, возраст есть возраст. Лучше уже не будет, лишь бы хуже не было.

И вот захотелось, захотелось нестерпимо.

Юна накинула куртку, Грошев дал ей пепельницу – тяжеловесную, советскую, хрустальную, он держал ее для гостей. Юна вышла на балкон, сквозь щель в форточке потянуло дымком, и Грошева прошибла тошнотворная слюна. Он торопливо налил и махнул стопку, но желание закурить не убавилось, наоборот, вспыхнуло еще ярче, с отчаянной тре-

бовательностью.

Берегусь, а сам, может, уже заразился вирусом и сдохну, подумал Грошев. Так ради чего терпеть?

И ведь даже сигареты были, и именно такие, какие он курил: забыл почти целую пачку кто-то из гостей, а Грошев почему-то не выкинул ее, положил на верхнюю полку шкафа в дальний угол. Спрятал сам от себя. Если бы хотел отдать приятелю, когда тот опять зайдет, положил бы в любое место, – нет, подальше запихнул. Знал, предчувствовал, что поманит. А раз так, зачем противиться предвидению?

Когда вышел на балкон, Юна не удивилась. Будто не говорил он ей только что, что не курит. Или пропустила мимо ушей, и это свидетельствует о ее невнимательности, или не поверила, а это значит, что не такая она дурочка, как кажется.

– Соблазнила ты меня, – упрекнул Грошев.

– Соблазнить никого нельзя, если кто по-настоящему не хочет.

– Ишь, умница какая. А мне казалось, поколение почти стерильное растет. Мало курящих, сильно пьющих тоже нет. Мы шибче пили. Отчего многие и померли.

– Я курю и выпиваю. И мои друзья тоже. Ты какое-то другое поколение видел.

– Или другую часть.

– Может быть. Никаких поколений нет.

– А что есть?

– Ну… Нормальные и придурки.

– Коротко и четко. А в чем отличия?

– Будто сам не знаешь.

– Я-то, может, знаю, но интересно, как ты это понимаешь.

– Так же, как и ты. Давай не надо, а?

– Чего не надо?

– Ничего. Я же вижу, ты из меня все вытащить хочешь. Типа мое мировоззрение. Вот оно тебе упало.

– А у тебя есть мировоззрение? – спросил Грошев.

Он хотел, чтобы вопрос прозвучал иронично и весело, но получилось раздраженно и, пожалуй, глуповато.

– Начинается! – недовольно проворчала Юна и ушла с балкона.

Вернулся в кухню и Грошев, и тут же зазвонил его телефон. Будто наблюдал и ждал, когда хозяин выйдет с балкона. Грошев взял трубку.

– Здравствуйте, это Катя, подруга мамы Юны, я беспокоюсь, она у вас?

– Да.

– Можно с ней поговорить?

Грошев передал трубку Юне.

– Все нормально, теть Кать, – сказала она, глядя на Грошева, вернее, сквозь него. – Да. Да. Да, конечно. Да. Хорошо. Ладно. Спокойной ночи. – И положила телефон на стол.

Ни тебе спасибо, ни пересказать, о чем тетя Катя спрашивала. Неотесанная девица, дикая.

Спросила:

– У тебя телевизора нет?

– Нет.

– А кино с чего смотришь?

– Ноутбук, планшет.

– А я с телефона. У тебя тут вайфай? Пароль скажешь? А то у меня интернет не безлимитный, за день истрачу все.

Грошев сказал ей пароль, Юна ушла в спальню, дверь не закрыла, улеглась и уткнулась в телефон, большой, размером с книгу формата покетбук. С таким и телевизора не надо.

Грошев убрал со стола, вымыл посуду. Девушки его поколения так себя не вели: попав в гости, обязательно убрали бы за собой. А эта даже не предложила. Как в фастфудной столовке посидела, все оставила и удалилась. Да и в фастфуде воспитанные люди за собой убирают, сгружая все с подноса в специальные мусорные шкафчики.

Закончив, он выпил еще стопку – наскоро, будто украдкой. Пошел в кабинет, лег. Просмотрел новости, которые становились все тревожнее. Завтра обязательно надо позвонить Тонкину насчет денег. А может, прямо сейчас позвонить. Да, уже полночь, но пусть поймет, насколько все критично. Грошев набрал номер Тонкина. Тот не ответил. Грошев написал сообщение: «Перестаю быть вежливым, жду денег!!!»

Получил ответ: «Извини, ответить не могу, сижу у больной дочки. Деньги будут, но жду твой перевод».

Написал: «Соболезную, здоровья всем твоим близким, но при чем тут мой перевод, если не заплачено за предыдущие?»

Ответ: «Меня дергает руководство. По плану сдача 15 апреля».

Написал: «Будет тебе 15-го. Но деньги вперед!»

Ответ: «Я же сказал, сделаю все возможное, не волнуйся. И не болей, пожалуйста».

Дипломат, сволочь, беззлобно подумал Грошев.

Хмель как-то слишком быстро рассосался, Грошев чувствовал себя трезвым и ясным. Но не радовался этому: такое легкое возбуждение бывает перед бессонницей.

Начал смотреть смешные ролики – он, к стыду своему (впрочем, уже и без стыда), надолго тупо залипал на бессмысленное смотрение всего подряд.

Но сейчас что-то мешало получать удовольствие.

Девочка, наверно, считает, что Грошев сейчас чем-то умным занимается, а он бездарно тратит время. Мог бы за книгу всерьез взяться. Даже Тонкин о ней помнит. И как не помнить, если Грошев давно уже о ней говорит, а начал, страшно сказать, двадцать лет назад. Папка с названием «НЕДО» (имя будущего магнум опуса) забита другими папками и файлами, чего тут только нет. Она, разрастаясь, перекачивалась раньше с устройства на устройство, а теперь покоится и на жестком диске ноутбука, и в облачном хранилище, платном, зато надежном и емкостью в целый терабайт.

Давненько он сюда не заглядывал.

Грошев просматривал список, не узнавая многих заголовков.

«Покушение». Что еще за «Покушение»? Перевод детектива, попавший не в ту папку?

Открыл. Увидел:

Михаил ГРОШЕВОЙ

ПОКУШЕНИЕ

Не крадите, не обманывайте и не лгите друг другу.
Тора, Ваикра, 19:11

Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.
Евангелие от Матфея, 5, 37

И не облекайте истину ложью, чтобы скрыть истину, в то время как вы знаете!
Коран, сура Корова, 42

Не обманешь – не продашь.
Поговорка

1

Проснувшись утром, застаешь на своем месте не того человека, с кем расстался вчера вечером, засыпая. С собой всегда приходится знакомиться заново, и это знакомство не всегда приятно.

Пьяницы это испытывают с особой остротой. Листунов знал в молодости одного чудака, имевшего веселый легкий нрав, кучу друзей, готовых дать взаймы, напоить и приютить, для которого это превратилось в своеобразный спорт – шататься от дома к дому (под конец почти ползти), а утром, проснувшись, гадать: где я на этот раз?

Стационарные алкоголики испытывают нечто подобное: стены родные, но в своем теле чувствуешь себя как в случайной гостинице – и долог, труден путь обратно, к себе, в себя.

Он проснулся в таком настроении, будто вчера совершил

Он проснулся с каким-то тягостным ощущением, словно вчера было назначено к сегодняшнему исполнению что-то неприятное, но обязательное.

И еще полстраницы примерочных строк, а потом наконец связное повествование. Двадцать три страницы про како-

го-то Листунова, который недоволен женой и жизнью, встречается с разными людьми, что-то обсуждает (Грошев не вникал), – все скучно, вяло, непонятно о чем и зачем. То ли на Листунова почему-то готовится покушение, то ли его собираются уговорить на кого-то покуситься. Написано, судя по дате файла, семнадцать лет назад.

Еще папка. «НЕДО ГЛАВНОЕ».

Это и правда главное – попытки описать собственную жизнь как несобственную. Много попыток.

«Недо начало 01» – что тут? Посмотрим.

НЕДО (начало)

Лена была очень разной. Вот класс, она сидит за партой тихая, неприметная, ровно и деловито отвечает у доски, примерная ученица, берущая не способностями, а равнодушной старательностью, а вот кузов грузовика, в котором школьники возвращаются из летнего похода, и она вместе с рыжей Юлькой и отъявленным второгодником по кличке Тузик (кличка тайная, для своих, назови его так вслух – получишь в морду) ныряют под брезент, что-то там делают, она отбрасывает брезент, красная, хохочущая, глотает воздух – и опять туда, под брезент.

Воплощенная метафора двойной советской жизни – отдай обществу долг, и можешь делать в своей личной жизни, под брезентом, что угодно.

Саше нравилось в ней все. Что невысокая, тонкая, что прическа как у Мирей Матье, нравилась родинка между носом и верхней губой; кстати, те, кто в древности называли части человеческого тела, относились к этим частям или пренебрежительно, или с показной грубоватостью, не желая признаться в настоящем к ним отношении, иначе не было бы так неблагозвучно – нос, губа. Или того хуже – бедра, грудь. «Дра», «гру» – жуть. «Талия» еще ничего, звучит. Да и то иноязычного происхождения.

Нравилась ее независимость. Если отвечала, то не для учителей и уж тем более не для одноклассников – для себя, чтобы быстрей получить отметку и отделаться. А когда хохотала, отбросив брезент, нисколько не интересовалась, как на это смотрят окружающие, включая пожилую географичку, которая, впрочем, отвернулась: не вижу, значит, ничего и нет, а увидишь – надо разбираться, а начнешь разбираться – обнаружишь что-то, требующее педагогического вмешательства, а вмешиваться как раз и неохота.

Саша завидовал Лене, он об окружающих всегда помнил и частенько подлаживался под них. Это была не совестливость и не услужливость, как он теперь понимает, а мнительность и, прямо скажем, трусость.

А вот еще одна Лена, на школьном вечере, девятый класс, ей уже шестнадцать, родилась в феврале, а Саше все еще пятнадцать, родился в июне, она стоит среди девочек, которые давно уже девушки, маленькие женщины, совсем взрослые, особенно если сравнить с

собой, посмотрев в темное и отражающее окно. Они о чем-то совещаются, секретничают, интригуют, что-то у них там волнующее и загадочное, и Лена, хоть и ниже ростом многих, выглядит среди них королевой. Нет, скорее, она Миледи из «Трех мушкетеров» – красивая и коварная. Так Саша ее мысленно и называл – Миледи.

Кто-то из старшеклассников приглашает ее танцевать, она соглашается, танцует с выражением спокойной удовлетворенности на лице. Именно не радость, не удовольствие, а удовлетворенность – от уверенности, что все так и должно быть.

А вот Саша, проходя мимо лестницы, видит и слышит: под лестницей, в полутьме, Лена прижала к стене кого-то из подруг – Саша не разглядел кого – и злобно спрашивает: «Ты поняла меня… – И дальше несколько матерных слов, произнесенных звучно и уверенно, как привычные. – Поняла, тварь?» И бьет подругу по щеке.

У Саши даже сладко заныло под ложечкой и ниже – от восторга, так он любил в этот момент Лену.

И прошел мимо молча.

Так молча и пролюбил он ее четыре года, с шестого по девятый класс включительно, и лишь в десятом признался и тогда узнал еще одну Лену, но это, употребим с удовольствием такое же расхожее и неоригинальное выражение, как и вся эта повесть о первой любви, отдельная история.

Отдельная история осталась ненаписанной – в этом виде.

Были и другие попытки, но сейчас лучше не заглядывать, не травить себя.

Грошев захлопнул обложку планшета и бросил его рядом с креслом, на коврик, будто наказывая за то, что все терпит, хранит в себе. Бросил, но, однако, не швырнул, бросил бережно, не вертикально, а скользящим косым движением, и планшет лег с мягким стуком.

Грошев закрыл глаза, вернее, зажмурился. И сжал губы. Так бывает, когда перетерпливаешь боль. Удивился этому, расслабил мышцы лица, глубоко вздохнул, настраивая себя на покой, на безмятежную неподвижность. Но тут же встал

Ночь первая

и пошел в кухню.

Дверь в спальню открыта, там темно, но с каким-то отсветом. Грошев заглянул и увидел, что Юна лежит на животе, а телефон перед нею. В ушах наушники. Что-то смотрит.

Он открыл холодильник, достал водку, поставил на стол, опять открыл холодильник, взял банку с корнишонами. Налил стопку, полез в банку вилкой, стучал по стеклу, ловя ускользающий огурец, – делал все как днем, без ночной приглушенности движений. Словно давал этим понять Юне: знаю, что ты не спишь. Если захочешь, можешь присоединиться, но сам приглашать не буду.

И Юна вышла из комнаты, спросила:

– Тоже не спишь?

– Как ты догадалась? Выпьешь?

– Ночью стремно… – и села за стол.

– Так будешь или нет? – Не дожидаясь ответа, Грошев достал вторую стопку, налил.

Выпили.

– Значит, в детском саду работала? – спросил Грошев.

– Да, недолго. Практика была от педколледжа.

– А почему не закончила?

– За матерью надо было ухаживать.

– Сильно болела?

– Да. Квартиру на лечение пришлось продать.

– А жили где?

– Мы в рассрочку продали. Есть такие риелторы, они узнают, что человек должен умереть, старый или больной, а денег на лечение нет, они предлагают оформить квартиру на продажу и ждут смерти. Некоторых будто бы ускоряют.

– Убивают?

– Необязательно. Договариваются с врачом или медсестрой, чтобы давали лекарства, от которых хуже будет.

– Это и есть убийство.

– Может быть. Но я следила за этим. Или бывает, когда договор неправильно составлен, человек еще не умер, а они приходят и выносят из квартиры. Реально на улицу. И все по закону, они в бумажку тыкают, а там мелкими буквами все написано.

– Тычут.

– А?

– Тычут. Не тыкают.

– Ну тычут. Какая разница?

– Терпеть этого не могу! Какая разница! Мало что неграмотно говорят, они еще и защищаются! Даже хвастаются!

– Я не защищаюсь и не хвастаюсь, а просто – чем хуже? Тычут – хорошо, хотя смешное слово получается: тыч, тыч! А тыкают – нехорошо. Почему нехорошо-то?

– Не нехорошо, а неправильно! Неграмотно!

– Я не про это. Что изменится? Вот мне сошьют юбку…

Нет, я юбок не ношу. Ну, что-нибудь сошьют, нет, я ничего не шью, покупаю, но я теоретически, сошьют что-то не в мой размер, мне неудобно. А тут что неудобно? Тычут, тыкают. Ты же понял, о чем я.

– Правильная речь сохраняет язык. Язык – как систему координат. Для лучшего взаимопонимания! А еще она маркер образованности! Она…

Юна не дала договорить, подняла палец:

– Вот! Вот и пусть все знают, что я необразованная, зачем я буду кому-то голову дурить?

Грошев развел руками:

– Ну, если так… Значит, вас не выгнали?

– Нет, нормальные риелторы были, им врачи сказали, что ждать не больше полугода, и они терпели, ничего такого не делали. А может, надо бы.

– Ты с ума сошла?

– Мама сама просила ей что-нибудь вколоть. Если бы ты так мучился… Врачей просила, меня просила. Я по трусости не соглашалась.

– По трусости?

– Ну, не по трусости… Не знаю… Кому хочется убийцей быть? Одной врачихе тихонько сказала, а она как на меня поехала: ты что говоришь, ты, блядь, дочь! Не парит, что ругаюсь?

– Если для тебя привычно – валяй.

– Не то что привычно, а иногда без этого никак. Короче,

раскричалась: смотри, мы будем вскрытие делать, если что-то обнаружим, я лично на тебя заявление в суд напишу, дура жестокая! Ага, жестокая. Смотреть и видеть, как мать с ума от боли сходит, – жестокая, а они лишнюю ампулку дать – не жестокие. По часам, блядь, в случае острой боли! А если у нее все время острая боль? Короче, дали помучиться подольше, как положено. По правилам, блядь.

– Тонко уела.

– Чего?

– Про правила напомнила.

– Я не нарочно. Выпьем еще?

Выпили.

Грошев спросил мягко, с почтением к чужим страданиям:

– А потом все-таки согнали тебя с квартиры?

– Само собой. У тети Кати жила в подвале. Подвал хороший, дядя Витя его для мастерской сделал. Сухой, чистый, только без света, без окон. А потом я с молодым человеком жила полгода, он квартиру снимал. Потом расстались с ним, а обратно к тете Кате нельзя было, она сказала, что дядя Витя там все время работает.

– Или не захотела, чтобы ты там жила.

– Может быть. А что хорошего, если чужой человек под тобой живет? Я ей даже не родственница. Пошла на молочный комбинат работать, там общежитие обещали, но мест не было, сняла комнату у бабушки, не выдержала, через два месяца съехала.

– Вредная бабушка?

– Да не то чтобы… Условие было – я сама питаюсь, отдельно, а ее продуктов не трогаю. Съехала на этом. Суп сварит и в кастрюльке внутри черточку сделает, чтобы я не отлила. Или начинает холодильник проверять, вынимает все и осматривает, на ладошке взвешивает, а сама на меня смотрит. Любому надоест. И я ушла, и… Ну и все в этом духе.

– Я смотрю, у тебя уже много чего было, – сказал Грошев. – А я думал, совсем зеленая, тебе сколько – восемнадцать, девятнадцать?

– Двадцать два уже. Но паспорт всегда спрашивают, когда сигареты покупаю. Я в мать, она долго молодой казалась. Но не очень красивая была, как и я тоже. А с тридцати вдруг повело – была тощая, стала стройная, а подруги многие растолстели. И лицо получшело. После тридцати меня родила, другие от родов хуже становятся, а она совсем зацвела. С тридцати до сорока у нее прямо звездная жизнь была. И с работой все в порядке, и с мужчинами, квартиру купила…

– А отец? Отец был какой-то?

– Какой-то был. Женатый, двое детей. Правда, семью бросил потом.

– Ушел к твоей маме?

– Нет, к другой женщине. Я его видела всего раза два. Поговорили немного: как дела, как что. Я его отцом даже не почувствовала, чужой мужик совсем. Смешно.

– И не помогал, никаких алиментов?

– Откуда? Две семьи, у него и на себя-то не хватало.

Юна взяла сигарету, встала.

– Кури здесь, – разрешил Грошев. – Я тоже, потом проветрим.

Он налил еще по одной, чтобы закурить было приятней.

Достал вторую бутылку:

– Не против?

– Все равно не спим.

Выпили, закурили, посидели молча.

Грошева наконец немного отпустило.

Хватит себя грызть, думал он. Ты приютил несчастную девушку, и это хорошо весьма. Девушка размякла душой, и это тоже хорошо.

Она – типичная жертва. По всему видно. Свои беды принимает как должное. И это не стоицизм, не мужество, это спасительная эмоциональная тупость. Что всему их поколению свойственно.

– Да, – сказал он, – непростая жизнь у тебя была, Юнона!

Он выговорил ее имя с лукавой улыбкой. Будто шутливо уличил.

Юна отреагировала равнодушно:

– Мать так назвала, но мне полное имя не нравится.

– Она «Юнону и Авось» любила? В Москву ездила смотреть, или к вам приезжали?

– Кто?

– Спектакль.

– А, ну да, какой-то театр что-то такое играл, мне говорили. Нет, просто древняя богиня такая была, матери это имя всегда нравилось. А я, когда полностью называю, все почему-то считают, что это имя ненастоящее или что я проститутка.

– Логично. Проститутки любят необычные имена брать.

– А ты откуда знаешь?

– Профессия такая. Пишу книги, должен многое знать о жизни.

– Серьезно? И в магазинах продают? И в интернете ты есть? А как твоя фамилия? Извини, – спохватилась Юна и объяснила: – Мне только твое имя-отчество сказали.

– Грошев моя фамилия, но в магазинах не продают. Я еще своих книг не издал. Не спешу.

– А живешь на что?

– Перевожу книги с разных языков.

– Тоже интересно, – милосердно сказала Юна.

– Очень, – усмехнулся Грошев. И сменил неприятную тему. – Ты уж прости, но мы ведь откровенно обо всем: тебе самой в проститутках не пришлось побывать?

– Не взяли. Одна подруга привела меня к их главному…

– К сутенеру?

– Командиром они его называли. Привела к командиру, тот раздел, посмотрел, говорит: нет, костей много, а секса нет. В салон и на выезд в городе не годишься, могу на дорогу поставить. Это значит – для дальнобойщиков, для шофе-

ров… – начала объяснять Юна.

– Я знаю. Думал, таких уже нет. Плечевыми их называют.

– Пользовался?

– Юна, я, если ты заметила, живу на свете довольно давно. И много о чем знаю, даже если не пользовался.

– На самом деле всякие есть. Я отказалась. Не настолько здоровая, чтобы по ночам мерзнуть, ждать кого-то, а потом ехать неизвестно с кем или прямо в кабине…

– Только это остановило? Не морально-нравственные принципы?

– И принципы тоже, я не блядь по характеру и к сексу отношусь спокойно. Тоже в мать, она рассказывала, что к тридцати только… Ну, как сказать…

– Вошла во вкус?

– Типа того.

Грошев хмыкнул со сведущим видом:

– Видишь ли, Юна, это зависит от того, какие попадаются мужчины. Ибо мужчины наши, отечественные, в этих вопросах очень ленивы и нелюбознательны. Они думают о себе, не понимая элементарной вещи: чем больше женщине ты дашь, тем больше от нее получишь. И это целая наука.

Юна вдруг засмеялась. И смеялась все громче. Хохотала уже.

– Что? – спросил Грошев.

Юна продолжала хохотать. Не могла успокоиться, хлопала ладонями по столу, сгибалась, чуть не стукаясь лбом, вы-

тирала слезы.

– Водички? Или еще водки? – спросил Грошев.

– Воды, да…

Грошев подал ей воды в стакане, она выпила, постучала ладошкой по груди.

– В чем причина смеха? – поинтересовался Грошев.

– Да так, бывает. Я смешливая.

– И все-таки?

– Обидишься.

– Это невозможно. Я никогда ни на кого не обижаюсь. Ну?

– Да в поезде, когда ехала, ко мне подсел один… В возрасте уже, за пятьдесят, наверно.

– Как я?

– Ну да. А у меня настроение никакое, а он… Типа, чё как, чё куда, чё такая красивая, а невеселая? Я вежливо молчу, старость уважаю, сразу по морде не бью, а он все доебывается, а сам мне руку на коленку. Я ему: дедушка, а не охуел ли ты? Сел быстро от меня подальше, пока я проводнице не сказала! Он перебздел сразу же: тихо, тихо, какая нервная девочка, я, блядь, из лучших побуждений!

– Я похож на дедушку, который с тобой заигрывал?

– Не похож, я просто вспомнила и рассмеялась, как эта, а я, когда смеяться начинаю, не могу остановиться. Нервы типа.

А ведь девушка не ошиблась, появились в голосе Грошева если не заигрывающие, то кокетливые нотки, – он сейчас

вспомнил, как говорил о науке любить женщин, и услышал памятью, с какой потешной игривостью это звучало.

– Рад, что у тебя развито чувство юмора, – сказал он.

– Проехали, давай зальем.

Она подставила стопку.

Грошев налил ей и себе.

Выпили.

Юна стала опять равнодушной. Устала после смеха. Смех ведь для любого живого существа, в том числе млекопитающих, – дело неестественное, его освоил человек, пойдя против природы, смех требует слишком много усилий и отдыха после этих усилий.

Грошев чувствовал, что ему хочется поразить эту простушку. Показать ей, что нет ничего очевидного и то, что ей почудилось заигрыванием, имеет в подтексте нечто более сложное.

– А ведь ты права, – сказал он. – Легкое заигрывание было, но почему? Потому что, во-первых, я джентльмен, а джентльмены знают, что любой девушке и женщине приятно, когда к ней проявляют внимание.

– Даже без спроса?

– А как понять, понравишься ты или нет? Приходится пробовать.

– Ой, да ладно! Я в два с лишним раза моложе, а он старый и урод – чего тут понимать? Постой, ты, значит, тоже пробуешь?

– Дослушай и поймешь. В жизни каждого человека есть события, которые накладывают отпечаток – навсегда. Влияют на его поведение. Создают стереотипы. И у меня такое событие было; если хочешь, расскажу.

– Ладно.

И Грошев рассказал этой едва знакомой девочке главную историю своей жизни, которая повлияла на все дальнейшее.

В двенадцать лет я влюбился в одноклассницу Таню, рассказывал Грошев с лирической усмешкой. Четыре года любил ее тайно и молча, а в десятом классе признался. Оказалось, что я ей тоже нравлюсь. Мы сидели за одной партой, все вокруг видели и знали, что мы дружим, но думали, что дружба только школьная, как часто бывает. Мы не гуляли по улицам, не ходили вместе в кино, не присоединялись к компаниям одноклассников.

Я приходил к ней домой, рассказывал Грошев, Таня часто была одна, потому что мать ее работала в театре костюмером и была вечерами занята, отчим из семьи ушел, а младшая маленькая сестра Тани спала или молча играла, спокойная была девочка. И мы с Таней любили друг друга. Это было пять лет сумасшедшего счастья – четыре года любви на расстоянии и год любви воплотившейся. Почти год.

Весной оказалось, что Таня встречается с другим, рассказывал Грошев со спокойной горечью давно все простившего человека. Я узнал это и хотел повеситься. Вернее, удушиться посредством длинного резинового медицинского бинта,

который недавно купил в аптеке для тренировки мышц рук. Почти получилось, я потерял сознание, упал, больно ударился головой и от этого очнулся, успел размотать с шеи бинт. Но любить Таню продолжал.

Мы закончили школу, рассказывал Грошев завершающим голосом, она почти сразу же вышла замуж, потому что была беременна, а я все любил и верил, что верну ее. Будет она с ребенком – ну и что, возьму ее и с ребенком. И даже с двумя. В любом случае я ее дождусь.

В этом месте Грошев замолчал. Налил, многозначительно выпил.

А Юна не стала пить, спросила:

– Что-то страшное случилось, да?

– Ты догадливая. Ее положили в роддом. Роды были трудные, сделали кесарево сечение, занесли инфекцию, сепсис, смерть.

– Ничего себе!

Теперь и Юна выпила.

– А ребенок? Не пострадал?

– Нет. Девочка. Отец на похоронах рыдал как безумный.

– А ты видел?

– Все видели, из нашего класса многие пришли.

– И ты рыдал?

– Нет. Я умереть хотел. На кладбище кусты были, я туда ушел, упал и лежал. До ночи лежал, потом пешком в город шел, домой. Часа три шел.

– Да… Печально.

– Не то слово. И я после этого никого так не любил. Можешь ты это представить – ежедневное ощущение счастья? Каждую минуту. Будто под наркотиком. И так пять лет. И я потом всю жизнь искал что-нибудь похожее. Ошибался, опять искал. И вот отсюда, Юночка, мой стереотип. Я с любой женщиной говорю так, что кажется, будто я ухаживаю, заигрываю, а на самом деле это прорывается что-то… Постоянный поиск, понимаешь? И даже не обязательно женщина нравится, но…

– Авансом? На всякий случай?

Грошев усмехнулся:

– Авансом?

– Это моя подруга так говорит, – объяснила Юна. – У нее тоже стереотип, но наоборот. Она влюбилась, а он ее заставил аборт сделать, и она теперь любого мужика авансом ненавидит. Чтобы не ошибиться. А ты как бы авансом любишь, да?

– Не люблю, а ищу, – уточнил Грошев.

– И не нашел?

– Ты здесь кого-то видишь?

– Но ты же был женат, не один жил все время?

– Был. Неоднократно. И всегда по любви.

– А я не влюблялась еще ни в кого.

– Ты говорила, жила с кем-то.

– Это другое, просто устраивали друг друга.

– Точное слово. Если в наше время говорили: я ее люблю, она меня любит, то теперь – она меня устраивает, он меня устраивает.

– Вот не надо: я люблю, она любит! Если вы такие все про любовь были, то чего же никто друг с другом не живет? У меня из подруг никого нет, чтобы у них отец с матерью не развелись.

– Юночка, у нас с тобой разговор слепого с глухим. Или наоборот. Если ты ананас не пробовала, я тебе его вкус объяснить не сумею.

– Пробовала.

– Не придуривайся, ты понимаешь, о чем я. Влюбишься – тогда поговорим.

– Если так мучиться, как ты, лучше не надо. У нас с матерью кошка была, долго, пятнадцать лет, а потом ослепла, мы ее усыпили и ревели потом целую неделю. Мать сама уже умирает, а за кошку переживает – смешно.

– Зря усыпили, – сказал Грошев.

– Почему?

– Ты не поверишь, у меня рассказ есть на эту тему.

Действительно, Грошев, просматривая тексты будущей книги, видел файл с названием «Слепой кот», а сейчас вспомнил, что это рассказ, и рассказ, кажется, неплохой.

– Хочешь, прочитаю? – предложил он.

– Прочитай.

Грошев сходил за планшетом, поставил его перед собой

на загнутую обложку, налил по половине стопки, выпили.

Юна устроилась поудобней, закурила.

Грошев тоже закурил. Читать не начал – собьешь дыхание, предварил предисловием:

– Это из книги, которую я сейчас пишу. Она будет такая: история начинается, но не заканчивается. Начинается другая, третья. И так далее. Сплошные начала.

– Почему?

– Потому что в жизни всё так. Всё обрывается в начале, в середине, всё начинается и ничего не заканчивается. И у всего один финал, сама понимаешь какой. Всё в жизни всегда недожито, недоделано, недолюблено, недовоплощено. И будут в книге еще рассказы, случаи. Случай может быть законченным. История из жизни, анекдот. В том числе вот этот рассказик, «Слепой кот» называется.

Грошев вкрутил окурок в пепельницу.

И Юна вмяла свой окурок – тщательно, чтобы не было дыма. Показала, что готова слушать.

Грошев начал.

СЛЕПОЙ КОТ

У Веры Матвеевны ослеп кот Максик. Гноились, гноились глаза – и блекнуть стали, выцветать, гаснуть. Вера Матвеевна и промывала их слабым раствором марганцовки, и специальные добавки для кошачьего

зрения купила в зоомагазине – ничего не помогло. Понесла к ветеринару, тот осмотрел и сказал, что причин слепоты множество, он выпишет капли, но за успех не ручается.

Вера Матвеевна закапывала эти капли два раза в день, Максик, не понимающий своей пользы, вырывался и царапался. И стал слепнуть катастрофически быстро, будто хотел поскорее избавиться от неприятных процедур.

Ослеп совсем. Тыкался по углам, учился жить втемную. Веру Матвеевну потрясало, что Максик все переносил молча. Была в этом молчании какая-то трагическая безысходность и безнадежность: чего, дескать, мяукать, этим горю не поможешь.

Однажды Вера Матвеевна увидела, как Максик на кухне, встав на задние лапы, нашарил передними край табуретки, неуверенно вскочил на нее, опять привстал, нащупал подоконник и прыгнул на него, как делывал раньше для того, чтобы, потрепетывая ушками и поворачивая голову на каждое новое движение, рассматривать за окном воробьев, голубей и людей.

Он посидел немного и со страшно разочарованным, как показалось Вере Матвеевне, лицом кособоко не спрыгнул даже, а сполз на табуретку, а потом на пол. Сердце Веры Матвеевны захлебнулось от сочувствия.

Надо отбросить ложную жалость, подумала она. Я его и слепого люблю, но ему-то каково? Во двор теперь не выпустишь, с бумажечкой-веревочкой он теперь не поиграет, за мухой не поохотится, в окошко не

посмотрит, зачем такая жизнь? Есть и спать? Вот уж воистину животное существование!

Нет, нельзя длить его мучения.

И, проплакав всю ночь, Вера Матвеевна с утра напилась корвалолу и повезла Максика усыплять.

Ветеринар был не тот, что давал таблетки, а молодой, усталый и равнодушный. Это устраивало Веру Матвеевну, она не хотела сочувствия, оно бы ее только еще больше расстроило.

«В тираж, значит?» – спросил ветеринар.

«Да», – коротко сказала Вера Матвеевна, сдерживая себя.

Ветеринар поставил Максика на стол, осмотрел, поглаживая. Кот весь сжался: незнакомые звуки, запахи и прикосновения его пугали. Вера Матвеевна отвернулась и вытерла глаза.

«Зачем же его усыплять?» – вдруг услышала она.

«Как зачем? Животное мучается! Слепые люди живут, но у них всякие занятия находятся. А кошка если не видит, зачем ей жить? Только страдать? Думаете, мне легко? А я так скажу: когда мы увечных животных оставляем мучиться, мы себя жалеем, а не их!»

«Как зовут кота?»

«Максик».

«Вы не Максика жалеете, а как раз себя. Вам на него смотреть тяжело. А он-то спокойно ко всему относится».

«Спокойно? Вы скажете!»

«Неудобства некоторые есть, но он привыкнет.

А главное, он считает, что так и должно быть. – Лицо ветеринара ожило, просветлело, даже глаза поголубели, как в юности, когда он только поступил в Тимирязевскую академию и способен был часами вдохновенно говорить любимой девушке о конском сапе и собачьей чумке. – У него ведь нет, как у людей, представления о жизни, он книг о ней не читал, кино не смотрел, опыт чужой не впитывал, понимаете? Для него слепота, можно сказать, естественное дело. Если б он мог думать, то подумал бы, что, значит, до определенной поры кошки видят, а потом перестают. Так, значит, природа устроила! И все, и никаких вопросов. Он безмятежен душой, как и прежде. А вы – умертвить. Поторопились!»

«Значит, он не страдает?»

«Ничуть. Ну, может, побаливало, когда слеп, а сейчас – абсолютно! Его кошачья душа в полном, уверяю вас, равновесии. Ведь у них, – продолжил врач теоретические рассуждения, – нет понятия несчастья. Боль – да, чувствуют. Голод и жажду. А несчастье – не их понятие. Так случилось – так и должно быть!»

«А и правда! – догадалась вдруг Вера Матвеевна. – Дура я старая! Спасибо вам, огромное спасибо!» И взяла Максика в объятия и торопливо понесла к выходу.

У дверей обернулась и спросила:

«А если, допустим, лапку животному отдавит или хвост, если ослепнет, как мой, или оглохнет, то – никакого для него горя нет?»

«Никакого! Особенно если один живет, других не

видит. А если видит, то опять же считает: ну, у них четыре лапы, а у меня три, они такие, я такой!»

«Да… – покачала головой Вера Матвеевна. И добавила неожиданное: – Вот бы нам бы! Я не в смысле ослепнуть, а – не расстраиваться!»

Ветеринар даже рассмеялся от этих ее слов.

А Вере Матвеевне было не до смеха. Нет, первое время она радовалась, а потом все чаще задумываться стала. О жизни вспомнила своей. О многочисленных несчастьях, приведших ее к одиночеству. Вспомнила предыдущую кошечку, которая была у нее лет двенадцать назад, родила пятерых котят, они были розданы добрым людям, кошка ходила и мяукала, ища котят. Ну и что? На третий день перестала мяукать, а через неделю забыла напрочь.

Выходит, размышляла Вера Матвеевна, кошки умнее нас. Или, лучше сказать, мудрее. Так случилось – так надо! И они опять счастливы – счастьем жить. До последнего вздоха счастливы.

И таким сильным было это впечатление для Веры Матвеевны, что она совсем по-иному взглянула на окружающее. И все ждала, когда она от этого иного взгляда станет счастливее.

Но не получалось как-то.

Наоборот, бессонница одолела. Печаль гложет: если б я раньше знала об этом, я бы всю жизнь радостной была!

И урезонивает себя: немудро так думать о прошлом, лучше совсем не думать.

Но тут же возникает мысль: как же не думать, если человек без мыслей – не человек?

И заела ее эта философия на старости лет, и вместо ожидаемого счастья она впала в уныние. На Максика, который вполне освоился и в два прыжка уверенно оказывался на подоконнике, чтобы сидеть там и слушать, трепеща ушами и поводя головой так, будто видел, уже не радовалась.

Сидит целыми днями на кухне, пьет остывший чай и что-то бормочет себе под нос. Вроде того: не знала о счастье – была по-своему счастлива или хотя бы спокойна, узнала о счастье – несчастна стала.

И как теперь жить?

Грошев закончил, схлопнул обложку с экраном, положил планшет на стол, налил себе, выпил и закурил, не глядя на Юну.

Ему послышалось всхлипывание.

Неужели так растрогалась?

Посмотрел: Юна шмыгает носом, сминает его щипками пальцев, а потом трет тыльной стороной ладони. А глаза блестят влагой. Красивые глаза у нее сейчас.

– Чего-то у меня насморк, что ли? Еще не хватало, – сказала Юна. – Или тоже аллергия на Москву.

– Тоже? У кого-то аллергия на Москву?

– Мамина подруга одна сюда поехала, хорошую работу нашла, все отлично, только насморк ее задолбал, и глаза опухали, и горло болело все время. К врачам ходила, проверя-

лась, кровь сдавала, все эти дела, а ей говорят: у вас, похоже, аллергия, только непонятно на что. Она таблетки какие-то пила, не помогает. Поехала зачем-то в Саратов, говорит: уже в поезде лучше стало, а сошла с поезда, все прошло. Будто не было. Поехала опять в Москву и прямо на вокзале опять начала захлебываться. Тут и догадалась, в чем дело, вернулась домой. Жалела, но говорит: значит, не судьба. Кстати, нормально сейчас живет, бизнес подняла. Вернусь, попробую к ней сунуться.

Интересно, думал Грошев, скажет ли она что-нибудь о том, что услышала? Или нарочно забалтывает, чтобы ничего не говорить?

Юна взяла бутылку, но увидела, что в ней на донышке. Поставила обратно.

– Добивай, – разрешил Грошев.

– А у тебя еще есть? Я не потому, что хочу, а – чтобы тебе осталось что-то.

– Мне уже хватит, по полкило уговорили. А ты не стесняйся.

Юна вылила остатки в стопку, выпила, закусила огурчиком.

Жуя, сказала:

– Хороший рассказ, мне понравился. Но я не въехала про эту старуху. Про кота ясно: да, наверно, слепым лучше жить, чем мертвым. А она, ты написал, была всю жизнь несчастная, а теперь считает, что была счастливая. Почему?

– Объясняю. Она просто о своей жизни не думала. О счастье не думала. Теперь подумала – и стала несчастной. На старости лет утратила смысл жизни.

– Да ну, неправда! – уверенно возразила Юна. – Никто так не меняется, ты за нее подумал и ей свои слова вставил. У нас старик сверху жил, заливал нас все время. Замучились потолок на кухне белить. Я сто раз с ним говорила, в полицию обращалась. А он такой – плачет: извините, простите, я нечаянно, я больше не буду! А через неделю – бац, то же самое! Я ему говорю: давайте мы вам трубы поменяем, у меня знакомый сантехник, дешево обойдется. Уперся: если поменять, я вас еще хуже залью, потому что все новые эти трубы и краны – говно! Насильно, что ли, менять ему будешь? Пока не умер, так мы от него и страдали.

– Это случай совсем другого плана, – сказал Грошев. – Это быт. А у меня не быт, а… С подоплекой. Такая притча на жизненной основе.

– Значит, я не поняла, – с неожиданной покладистостью согласилась Юна. – А кот у тебя – как живой. Сидит на окне, головой вертит, на воробьев смотрит. Наша тоже так целыми днями сидела. Здорово получилось.

И приятна, очень приятна была Грошеву эта похвала. Насчет героини Юна, конечно, глупость сказала, мала еще проникать в глубь текста, и старика-соседа приплела совсем не к месту, зато увидела картинку, а картинка, изобразительность – самое важное в прозе.

Меж тем он почти протрезвел и захотелось продолжить. Грошев оглянулся на часы, висящие над дверью. Четверть третьего.

Юна догадалась, почему он смотрит на часы, сказала:

– Все закрыто.

– Если и открыто, не продают. «Магнолия» тут недалеко, круглосуточный магазин.

– Но там есть?

– Есть.

– Договориться с продавцами, с охранником, доплатить.

– Бесполезно. У них камеры везде, и они проверок боятся.

– Тогда другой вариант.

– Какой?

– Другой. Пойдем. Или скажи где, одна схожу.

– Украсть хочешь?

– Необязательно. Я умею уговаривать.

Они быстро оделись, посмеиваясь и этим давая друг другу понять, что не собираются всерьез пускаться в опасную авантюру. Получится – получится, не получится – ну и ладно.

Только что прошел дождь, асфальт блестел в свете фонарей, вокруг – никого. Любимая атмосфера детективов, которые переводит Грошев.

В «Магнолии» было тихо и пусто. И странно, как всегда в тех местах, которые предназначены для скопления людей, а людей нет.

За кассой сидела молодая таджичка, во что-то играла на телефоне, на стуле у входа гнездился охранник в черном, мужчина в возрасте, седой, с израненным, показалось, лицом. Вероятно, остались на всю жизнь следы подростковых фурункулов, такое бывает.

– Голяк, с этими не договоришься, – шепнула Юна, беря корзинку.

Грошев видел, что она права. Кассирши из бывших советских республик держатся за свою работу, страшно боятся что-то нарушить, а охранник, видимо, из пенсионеров, тоже дорожит своим местом, к тому же по каким-то признакам, не только по изрытому лицу, можно было догадаться, что он обижен жизнью, следовательно, не упустит возможности отыграться, показать власть, пусть даже в ущерб своей выгоде.

Магазин был устроен просто: центральный двусторонний стеллаж и два стеллажа по бокам. На том стеллаже, что тянулся за кассой, были ряды полок с напитками, там все просматривалось и охранником, и кассиршей. Что удивительно, Грошев понимал план Юны, но не пытался отговорить. Ему было даже интересно, как она сумеет это провернуть. Хмель притупил чувство опасности, все казалось возможным. Он остановился, рассматривая сорта чая. Юна прошла вперед, громко спросила Грошева:

– Воды надо?

– Надо.

– Какой?

Грошев пошел к ней. Полки с бутылками воды начинались сразу после алкогольных рядов. Идущий к Юне Грошев загородил ее собой, все произошло быстро: Юна схватила бутылку водки, приподняла куртку, сунула бутылку за пояс, и вот в ее руке уже бутылка воды, она показывает ее Грошеву, тот берет, рассматривает этикетку, кивает, Юна кладет в корзинку.

И пошла не спеша дальше. Взяла плавленый сыр в пластиковой ванночке. Батон. Бутылку кефира. Грошев взял пакет молока и зачем-то упаковку чипсов, которые отроду не ел. Спохватившись, отобрал у Юны корзинку – он мужчина все-таки, его дело носить тяжести.

Они медленно пошли обратно, оглядывая полки и будто припоминая, что еще хотели взять.

– А пиво можно? – спросила Юна голосом наивной школьницы.

– Безалкогольное, – ответила кассирша.

– Да все равно, я не для выпивки, для вкуса.

И Юна вернулась и взяла бутылку безалкогольного пива.

Выглядела спокойной, уверенной, у Грошева возникло ощущение веселого азарта. Все должно получиться, очень уж хорошо сделано. Охранник все так же сидел на стуле и даже не смотрел в их сторону.

Грошев выгружал из корзинки продукты, кассирша пробивала, Юна складывала в пакет. Грошев расплатился при-

вычным способом – приставив телефон. После этого взял у Юны пакет, они пошли к двери, и тут охранник вскочил и загородил собой выход.

– Сама достанешь или как? – спросил он Юну, усмехаясь.

– Чего? Вы вообще, что ли? – возмутилась Юна.

– Действительно! С какого перепуга наезжаешь, отец? – Грошев старался казаться если не наглым, то дерзким и уверенным в себе.

– Я тебе не отец, ты сам дедушка! – огрызнулся охранник. – Еще орут на меня! Куртку задрала быстро! – приказал он Юне.

Юна выкрикнула:

– Да на!

И задрала куртку, а заодно и свитер, показав голый живот.

Грошев был озадачен не меньше охранника. Но тот не смирился с поражением:

– Куда дела? Я же видел, ты сунула!

– Что я сунула? Иди проспись!

– Я щас просплюсь кому-то! А ну повернись! Повернись, сказал!

Охранник схватил Юну за плечи, крутанул, задрал ей сзади куртку. Между поясом джинсов и поясницей торчала бутылка. Юна завела руки назад, чтобы ее вытащить, но охранник облапал Юну, повернул к кассирше.

– Видела? – заорал он.

Кассирша повернула голову и посмотрела без всякого вы-

ражения. Жизнь научила ее не показывать отношения к событиям – чтобы не ошибиться.

Юна извивалась и дергалась в руках охранника, при этом не смотрела на Грошева, словно не надеялась на помощь.

– Ты давай без рук! – сказал Грошев. – Охранники не имеют права… – Он запнулся, не подыскав продолжения.

А охранник злобно обрадовался его словам:

– Я вам сейчас покажу право! Только рыпнитесь – свяжу обоих!

Удерживая Юну, он умудрился достать телефон, сфотографировал засунутую бутылку, потом выхватил ее, оттолкнул Юну, метнулся к двери, задвинул засов и, держа телефон наготове, спросил:

– Звоню в полицию?

– Звони! – закричала Юна. – Тебя посадят, урод, ты мне ребро сломал! А она подтвердит! Ты на меня напал!

Кассирша отвернулась.

И ведь позвонит в полицию, подумал Грошев. Они приедут. Составят протокол. Или, того хуже, повезут в отделение. Провести там ночь, мучаясь жаждой выпивки. Надо договориться с этим дураком. Вполне можно договориться, недаром же он не позвонил сразу, а спросил, недаром взгляд у него такой выжидательный.

Грошев сделал к нему шаг и негромко сказал:

– Слушай, друг, я даже не знал, что внучка моя схулиганит. (Юна при этом передернула плечами, но промолчала.)

Давай как-то мирно. Договоримся. Штраф с нас возьми.

– Не имею права! Полиция приедет, с ней договаривайтесь! – нагнетал охранник. Но все еще не звонил.

– Ему говно свое показать охота, – сказала Юна. – Наслаждаешься, да?

– Помолчи! – резко сказал ей Грошев. И сделал еще шаг к охраннику и еще понизил голос. – Я понимаю, у тебя работа такая, но бутылку ты отнял, свое дело сделал. Возьми штраф, я серьезно.

– У тебя на штраф денег не хватит, – ответил охранник.

В это время кассирша встала, зевая и похлопывая себя ладонью по рту.

– Я в туалет, – сказала она.

Охранник проводил кассиршу взглядом и, когда она скрылась, сказал Грошеву:

– Номер телефона скажу, переведешь на него.

– Ладно. Сколько?

– Десять.

– А ты не охренел? – спросила Юна. И Грошеву: – Кинь ему пару штук, с него хватит.

– Молчи, сказал же! – прикрикнул Грошев.

У него было на карте тридцать тысяч с чем-то, это с чем-то сейчас ушло на покупки, значит, почти ровно тридцать. Пятнадцать с мелочью из запаса и пятнадцать триста – пенсия, которую в этом месяце перечислили почему-то раньше, чем обычно. Жалко потерять треть, но не катастрофа.

Он достал смартфон, вошел в онлайн-банк. Охранник приблизился, наблюдал. На дисплее появился номер счета и сумма, на счету имеющаяся. Охранник продиктовал номер телефона. Грошев записал. И тут охранник выхватил смартфон, ловко застучал пальцем. Зазвенел тихий колокольчик – деньги ушли.

– Так вернее, – сказал охранник, возвращая смартфон. – И марш отсюда!

Он отодвинул засов и распахнул дверь.

– Ну, ты и… – начала Юна.

– Идем! – Грошев схватил ее за руку и потащил.

Выходя, Юна выхватила у охранника бутылку, подняла вверх, замахиваясь и отступая. Закричала:

– Только попробуй! Мы заплатили!

– Валите!

Они шли сначала быстро, молча, потом Юна остановилась:

– Куда мы бежим?

– В самом деле…

– Ругаться будешь?

– С чего? Я знал, на что шел.

– Тоже правда. Вот сволочь, а! Но ты неплохо его уговорил. Денег жалко, но могло быть хуже.

– А ты зря дергалась.

– Я нарочно. Чтобы он совсем не оборзел. Десять тысяч, ну у вас в Москве и тарифы!

– В Саратове за воровство меньше берут?

– Намного!

Ничего смешного не было ни в вопросе Грошева, ни в ответе Юны, но они оба одновременно рассмеялись. И продолжали смеяться, так и шли, смеясь, даже устали от смеха, увидели лавочку, присели, Грошев отвинтил пробку, подал бутылку Юне. Она отпила, и он отпил.

Грошев смотрел на улыбающуюся Юну. Улыбка ей очень шла, она сейчас казалась симпатичной, даже, пожалуй, красивой. Может, и правда у нее лицо как у матери: до определенного возраста невнятный эскиз, а потом все лучшее становится проясненным, недостатки же сглаживаются, как сейчас они сглажены вечерним светом.

Юна взглянула на него вопросительно и удивленно, будто разгадала его мысли и с вежливой брезгливостью недоумевала, с чего вдруг они полезли в дедушкину голову. Она встала.

– Хватит шататься, домой пора.

Они вернулись, оба долго умывались и мыли руки горячей водой, согреваясь и будто смывая следы неприятного происшествия, потом сели за стол, с большой охотой выпили, и еще выпили, и еще.

– Бутылка-то ноль семь, – сказала Юна. – Вот я умница, правда?

И они еще выпили. И еще.

А потом все было вспышками: реальность то исчезала, то появлялась. Вот Грошев проваливается в беспамятство, а

вот обнаруживает себя плачущим и повторяющим:

– Никогда у меня не будет ничего подобного! Никогда, понимаешь или нет? Способна ты это понять? Понимаешь, что это такое – умереть в восемнадцать лет? И я умер вместе с ней, понимаешь?

И опять провал, после которого в просвете сознания возникает Юна. Теперь уже она плачет, она спрашивает:

– Ты когда-нибудь вытаскивал говно из-под любимого человека? Вытаскивал? Ну и молчи! Она лежит и гниет, а ты ничего не можешь сделать! А она жить хотела! Она на чудо надеялась! Усилием воли держалась! А я ей, подлюка, говорю: да не мучай ты уже себя, отпусти себя, сдайся, умри! Мысленно говорю, конечно. Но она же понимала! И умерла – для меня! Напряглась и умерла! Я убийца!

Казалось, после этого Грошев лишь на миг глаза прикрыл и носом клюкнул, и тут же встряхнулся, а Юна уже совсем другая, уже не плачет, а горделиво хвалится:

– Да я бы любого имела, кого захочу! У меня харизма, на меня все западают, и ты запал! Скажешь, нет? Только не ври!

Тут сбой – Грошев вроде бы подтверждает, начинает говорить Юне что-то хорошее, хвалит ее, но вдруг, как фильм в один миг прокрутили на несколько эпизодов вперед, видит себя злым и орущим на бедную девчонку:

– У тебя на лице написано – и муж достанется дурак, и работы нормальной у тебя не будет, крупными буквами написано: обреченность! Ты обреченный сюжет! Второстепенная

героиня! Да еще и страшненькая! Харизма у нее! Кто тебе это сказал? Уж мне поверь, у меня вас знаешь сколько было? Знаешь? Знаешь?

После этого – провал окончательный.

Нет, был еще короткий момент возвращения в сознание, когда Грошев увидел себя в двери комнаты и почувствовал, что очень сильно болит плечо. Так сильно, будто он его сломал. Видимо, ударился о косяк. Грошев потянулся потрогать плечо, пошатнулся, повалился и исчез окончательно.

День второй

Он проснулся в кресле. Был одет и накрыт пледом. Губы разлепились с болью, Грошев провел по ним языком, чтобы смочить, но и язык был шершав и сух. В голове явственно ощущалась трещина от макушки к левому виску, так трескается весной лед, но у льда края расходятся, а здесь они трутся друг о друга даже не при движении – от одной только мысли о движении. И сердце стучало болезненно и часто, ударов сто – сто десять в минуту, не меньше. О давлении лучше не думать.

Мычание-стон выдавил из себя Грошев, призывая на помощь. Ему можно, он больной и старый. Представилось: сейчас явится Юна. Свежая, здоровая, бодрая. Что ей, молодой, сделается? Она поможет, она спасет. Грошев за последние годы очень редко так напивался, это для одинокого и немолодого человека опасно, а когда все же случалось, терпел, отлеживался, знал, что надо выдержать до обеда, а потом заставить себя поесть, можно немного и выпить, но сразу после этого заснуть. Проснуться больным, однако уже не настолько, уже можно продержаться на таблетках, а ночью – двойная доза снотворного и опять сон.

Не в этот раз. Сейчас он не сдюжит.

Юна все не являлась, это обижало – словно она должна была. Грошев застонал откровенно, громко.

Тишина.

Схватился за подлокотники кресла, поднял себя, сел, опустив голову и упершись руками в колени. Отдохнув, рывком встал, постоял и двинулся из комнаты. Сначала в туалет. Потом в ванную. Держась одной рукой за край раковины, другой рукой зачерпывал холодную воду. Смачивал лицо, пил из горсти, опять смачивал, опять пил.

Побрел в кухню. Без надежды побрел, предчувствовал, что ничего не осталось. Так и есть, бутылка, украденная в магазине, пуста. Стоящие на полу под окном бутылки даже и проверять нет смысла, и все же Грошев нагнулся, приподнял одну, вторую. Во второй на дне что-то блеснуло. Грошев вгляделся – да, крохотная лужица. Он сел, запрокинул голову, приставил ко рту перевернутую бутылку. Лужица потекла тоненькой струйкой, впереди катилась капля, но вдруг исчезла. Жидкости было так мало, что она лишь смочила внутреннюю поверхность бутылки; на то, чтобы вытечь, ее не хватило.

Грошев поднялся, побрел к гостиной-спальне. Дверь была открыта. Юна лежала ничком, в одних трусишках, дешевых и простеньких, бледно-голубого цвета. Позвоночник подростковый, ребра все видны, но кожа гладкая, чистая. Наверное, очень приятная на ощупь. Грошев протянул руку и накрыл Юну одеялом. Тяжело сел рядом, выдавил:

– Спишь?

Юна пошевелилась, но не повернулась.

– Помощь нужна, – сказал Грошев.

– Мне самой нужна, – послышалось недовольное.

– Подыхаю я.

– Я тоже.

– Ну, значит, вместе подохнем.

– Сейчас встану.

И лежит.

– Сейчас – это когда? – с трудом выговорил Грошев. – Загнусь тут, останешься с трупом.

– Иди, сейчас выйду.

Грошев ушел. Сел за стол в кухне, ждал.

Прошла, как в книгах пишут, целая вечность. Юна появилась в длинной футболке, с голыми ногами, не глядя на Грошева, сказала:

– Я в душ.

– Какой душ? – страдальчески возмутился Грошев. – Я тебя умоляю, сходи, а потом и душ, и все остальное! Невмоготу мне!

– Умыться можно?

Прошла еще одна вечность, пока Юна умывалась и одевалась, и еще одна, когда она завязывала шнурки. Он не припомнит такого долгого, мучительно долгого процесса.

Но терпел, стоял над Юной в прихожей, ждал.

Она выпрямилась.

– Денег дашь?

– Наличных нет, сейчас переведу. Где мой телефон? На

кухне вроде. Принеси.

– Я обутая.

– Ничего.

Юна принесла телефон, он открыл страничку банка и увидел на счету несколько рублей. И перевод на тридцать тысяч. Ахнул:

– Вот скотина! Как же я… Он все мои деньги себе перевел!

– Много?

– Тридцать!

– Офигеть. И других нет?

– Откуда?

– Дай позвоню ему.

– Думаешь, вернет? Он на какой-нибудь другой телефон перевел, жене или еще кому-то. Там ответят, скажут: ничего не знаем. Все, поезд ушел, купи пока на свои. Сегодня же отдам, мне перечислят.

– Сколько взять?

– Одну.

– Уверен?

– Ну две. Вряд ли понадобится, но пусть. На всякий случай.

– Сигареты нужны?

– Да. И пожрать что-нибудь.

– Думаешь, у меня миллионы? Там есть что-то в холодильнике.

– Хорошо, ничего не бери, только иди уже!

Юна ушла.

Грошев доплелся до кресла, лег и застыл.

Зазвонил оставленный в прихожей телефон.

Пусть звонит.

Нет сил.

Лежать и ждать.

Вспомнил, что надо выпить таблетки. Да и давление бы померить. Таблетки в кухонном шкафу, тонометр в спальне. Два нелегких путешествия. Сначала померить, а потом таблетки? Или сначала таблетки? А до чего ближе, до таблеток или до тонометра? Но зачем мерить, таблетки-то все равно надо пить, независимо от показаний. Значит, одно путешествие, а не два. Конечно, сочетать лекарства с алкоголем неправильно, но не сочетать – может плохо кончиться. Все может плохо кончиться. Вечная его податливость, почему он, дурак, не отказал этой… Как ее? Которая звонила? Стиркина? Стеркина? Сорокина? Что-то в этом духе. Надо было сказать: не могу, уезжаю, болею. Не хочу, в конце концов. Вот не хочу, и всё. И ничего бы не было.

Необходимо встать и принять таблетки.

Еще чуть-чуть полежать. Собраться с силами.

И тут сердце заколотилось, быстро-быстро куда-то побежало, а потом резко остановилось, будто на-ткнулось на преграду, и вдруг начало таять, таять, исчезать. Лоб Грошева покрылся холодной испариной, ладони тоже стали мокры-

ми и холодными. Страх – действенная движительная сила, Грошев вскочил, мелкими шагами посеменил в кухню, открыл шкафчик, доставал коробочки и упаковки, дрожащими пальцами выковыривал таблетки и бросал в рот. Ежеутренняя порция, таблеточный микс. Запил водой, сел за стол, одна рука на столешнице, вторая на колене, голова вниз, глаза на ненавистный кафель, дыхание со свистом, сердце отдает ударами в голову, каждый удар заставляет края трещины соприкасаться, эта трещина по-прежнему кажется ледяной, но искры высекаются, как от металла, красными точками отражаются в глазах. Лед и пламень, думается тупо. «Лед и пламень». Откуда это? Одно из самых известных словосочетаний в литературе, а он не может вспомнить. «Лед и пламень». Деградация, потеря памяти. Потеря разума, потеря всего. Завтра он не вспомнит своего имени. Кстати, Михаил. Михаил Федорович Грошев… Тварь-охранник, гнусь, будь ты проклят, будь прокляты все твои дети и внуки. «Твою погибель, смерть детей с жестокой радостию вижу». А это откуда? С кем-то спорили об этих стихах. Ранний Пушкин, сказал кто-то. Да, это Пушкин. «Лед и пламень» – тоже Пушкин. Лед и пламень, коса и камень. Они сошлись, коса и камень, чего-то дальше, лед и пламень не так… – что не так? Не так не похожи? Неважно, главное – он вспомнил. Нет потери памяти, нет деградации. Но что в этом хорошего? Лучше уж полное беспамятство, вплоть до сумасшествия. Ничего не чувствовать, глупо улыбаться. Желательно сойти с ума

быстро и безболезненно. Ослепнуть умом, как ослеп кот из рассказа. И коту было даже хуже: он помнил, что был зрячим. А сумасшедшие не помнят, что были нормальными. Они становятся другими. А душа? Она становится другой? Душа – то, что делает человека личностью. Если ты становишься другим, значит, и душа становится другой? Но если ты умрешь и если попадешь в рай или что там, другое измерение, параллельный мир, то какая душа там возродится, нормальная или сумасшедшая? Но ведь сумасшедшие к тому же не верят в Бога. Да, есть юродивые, которые, считается, верят даже крепче других. Тогда как быть с осознанностью веры? Или вера не должна быть осознанной?

Господи, как худо. Но сердце немного успокоилось, худо не так, как было только что. И это сопряжено с мыслями о высоком, о Боге. Может, все-таки поверить в него? Перестать думать, есть он или нет, а просто поверить. Не как в существующее, а как в возможное. Люди ведь движутся вперед именно потому, что их не устраивает существующее, их зовет возможное. Лучшее из возможных. И даже невозможное.

Грошев давно заметил простую закономерность: когда о чем-то внимательно и целенаправленно думаешь, время ускоряется. Иногда едешь в лифте со своего одиннадцатого этажа или, наоборот, на свой одиннадцатый, и кажется, что лифт еле тянется, никак не доедет, а иногда, когда перебираешь, например, варианты перевода какой-нибудь фразы или

просто думаешь, что надо купить в магазине, едва войдешь в лифт, двери закроются и тут же открываются, приехали, это бывает удивительно и приятно.

Вот и теперь, когда Грошев беспорядочными мыслями защищался от своего состояния, показалось, что Юна вернулась быстро. Может, что-то забыла? Нет, пришла с заветными бутылками и еще чем-то.

– Ты не бойся, – сказал ей Грошев. – Я не алкоголик, но… Бывает.

– У меня тоже бывает. Главное, что проходит.

– Мудро.

– Есть хочешь?

– Не сейчас.

Грошев налил себе сразу полстакана, налил столько же и Юне. Она не возражала. Грошев выпил все, торопливо заглотав водой, а она, морщась и содрогаясь, отпила лишь глоток, потянулась тоже за водой, но зажала рот, вскочила, побежала в туалет. Послышались звуки.

Вернувшись, все же сумела выпить и отправилась в душ, а Грошев выпил еще четверть стакана, его размягчило, трещина в голове исчезла, сердцебиение не утихло, но уже не пугало, Грошева потянуло в сон, он принял это с благодарностью, пошел к себе, лег и тут же выключился.

Опять звонил телефон. Кому-то он нужен.

После, все после.

Проснувшись, почуял запах жареной картошки. Пошел в кухню. Юна стояла у плиты, обернулась, спросила:

– Будешь?

– И даже очень!

Хотелось есть, хотелось выпить – теперь уже не столько для облегчения, сколько для повторного удовольствия. Да и Юна была не прочь.

Картошка с ржаным хлебом, хрустящие огурчики, холодная водка – есть счастье на свете.

– Предупреждаю, – сказала Юна, – что нам двух бутылок опять не хватит, лучше затариться заранее.

– Узнаю родной Саратов. Там всегда так говорят – затариться.

– В Москве не так?

– Давно ни с кем не общался на эти темы. Точно, надо затариться.

– Ты насчет денег говорил, что решишь.

– Помню, решу, не волнуйся.

Чувствуя себя превосходно, Грошев отправился с Юной в «Пятерочку».

По пути посмотрел, кто звонил так часто. Маша. Его женщина, подруга, последний, как он говорил себе, причал. Десяток звонков от нее и три сообщения.

Первое: «С тобой все в порядке?»

Второе: «Почему не отвечаешь?»

Третье: «Мне приехать?»

Позвонил, сказал:

– Ты прости, я врать не буду, я не совсем в форме, но уже на излете.

– Опять? Как полгода назад?

– Примерно. Но легче, не волнуйся.

– Когда закончится, позвони.

– Хорошо.

– Надеюсь, ты понимаешь, что это опасно?

– Да.

– Я бы приехала, но ты ведь прогонишь, как в прошлый раз.

– Извини, да.

– Ладно. Очень жаль.

– Ничего. Все нормально.

Грошев закончил разговор, сунул телефон в карман, ждал, что Юна спросит, кому он звонил. Не спросила.

Ранний вечер был прохладным, ясным, последние лучи солнца, отблескивая в стеклах, напоминали о весне, которая пришла календарем, а не погодой, но во всем чувствовалась, так думалось Грошеву, однако он тут же себе возразил: никакой весны на самом деле не чувствуется, но мы хотим, чтобы она чувствовалась, вот и чувствуется. Календарь – наше плацебо, если конец марта, то, значит, все-таки весна, поэтому на нас погода как весенняя и действует. Правда, ушедшая зима была такой, что иные январские дни казались теплей и солнечней настоящих весенних. Эта зима, как моложавая

женщина, упорно не хотела стариться, так и ушла молодой, не хочется говорить – умерла, просто исчезла.

Этими мыслями Грошев поделился с Юной, она поддакнула.

– Правда, европейская зима была, как где-нибудь во Франции. Ты был во Франции?

– Был.

– Прямо в Париже?

– Прямо в Париже. И прямо в Лондоне был. И прямо в Нью-Йорке. А также в Стокгольме, Шанхае, Каире, Касабланке, Осло… короче, легче сказать, где я не был. В Южной Америке не был. В Центральной тоже.

– Завидую. Нет, понятно, ты же писатель, а они ездят.

– Я не всю жизнь писатель, работал в одной структуре. Околоправительственной. Большие дела, большие люди, поездки постоянные.

– А я только в Сочи была с мамой и с ее одним другом, в Анапе еще. И в деревне каждое лето, там у меня бабушка.

Походом в магазин нагуляли новый аппетит, поужинали, размеренно выпивая. Юна попросила Грошева еще раз рассказать о его счастливой и трагической любви, вспомнить какие-то подробности, Грошеву не захотелось, вместо этого достал альбомы с фотографиями, показывал своих родителей, себя в детстве, юности и молодости.

– Красавчик был, – оценила Юна.

– Да и сам теперь вижу. А был комплекс, что тощий,

некрасивый. Дурак. А вот она. – Грошев показал фотографию класса, где Таня стояла впереди и с краю, отдельно от остальных.

– Эффектная девочка, – сказала Юна.

Вот женщины, подумал Грошев, как они умеют – похвалить, но так похвалить, что эта похвала выглядит сомнительной.

– Самая красивая в классе, – сказал он с печальной улыбкой.

Юна не согласилась:

– Это потому что ты влюбленный был. А вот еще очень ничего девочка, и вот, и вот. А вот прямо звезда – любимый тип внешности, сама смугловатая такая, даже желтоватая немного…

– Оливкового цвета?

– Оливки зеленые!

– Я масло имею в виду.

– Может быть. Короче, такого теплого цвета, а глаза темно-синие и волосы светлые. Они обычно очень стройные, и кожа обычно обалденная. У меня подруга такая.

– Самое смешное, что у меня с ней тоже кое-что было. Лиля ее звали.

– Как это? Изменил своей девочке?

– Случайно получилось. Играли в бутылочку, я хотел, чтобы с Таней вышло поцеловаться, а выпало на нее, на Лилю. А она говорит: «Я согласна, но при всех стесняюсь» – и увела

в другую комнату, а там за штору, спрятались мы там, и она меня начала целовать. Очень умело, искусно, я обомлел.

– Языком работала?

– Вы так умудряетесь сказать, что вся романтика вянет.

– Кто – вы?

– Вы все. Поколение ваше. Речь бедная, убогая, ничего не знаете, ничего не читаете! У вас даже кумиров нет, эти ваши рэперы или хипхоперы, вы даже их не знаете, для вас все без лиц и без имен!

– Я за всех не отвечаю, а я и кино смотрю, и читаю, и не такая дура, как тебе хочется!

– Да? Какое кино последнее смотрела?

– Это… Ну, там умирает один, его отравили, думают на служанку, что она лекарство перепутала, а отравил внук или племянник.

– Кто режиссер? Кто актеры?

– Забыла! И какая разница, главное – кино понравилось, всем спасибо!

– Кому? Я в твоем возрасте знал сотни имен современных писателей, актеров, режиссеров, музыкантов, а ты кого знаешь, назови хотя бы одного!

– У меня память на имена плохая!

– У всех у вас она плохая! Для вас авторитетов нет, вместо этого в голове братская могила какая-то!

– Чего ты пристал? Вот я вижу кино или картину в музее…

– Была в музее? В каком?

– Не цепляйся! Я в Сети в любой музей попасть могу!

– В Сети!

– Отстань! Я что-то вижу или слышу – музыку какую-то или читаю что-то, мне нравится, а если я узнáю, кто это сделал, – что изменится?

– То! Человек – часть творения, которое он создает! Если ты узнаешь что-то о нем, то и понимание творения станет глубже!

– Да хрень это все! Наедет на тебя машина – какая разница, кто там за рулем?

– Нелепое сравнение! Дикое!

– Ну да, мы дикие, конечно! А кто нас вырастил такими? Мать моя, пока была здоровая, занималась своими делами, я ее не интересовала совсем!

– Она деньги зарабатывала! Для тебя!

– Да я сама зарабатывала с пятнадцати лет! А вы нам что дали? Я в смысле про смысл жизни?!

– Ты это вот серьезно спрашиваешь? Смысл жизни тебя интересует?

– Представь себе!

– И мы, значит, должны вам его дать?

– А кто? Ты сам писатель, ты какой смысл проповедываешь?

– Проповедуешь, во-первых, а не проповедываешь.

– Да отъебись ты с поправками своими! Достал хуже Пу-

тина!

– При чем тут Путин?

– Он при всем! Тоже умней всех себя считает, а если посмотреть, такой же мудак, как старик тот, который нас проливал! Уперся, блядь, рогом в свою власть, ему говорят, меняй трубы, а он – идите на хуй, мне и так хорошо! Ему-то ясно, что хорошо, над ним не капает!

– Каплет!

– Да ну тебя на…

– Прекрати ругаться! И я тебе не приятель, чтобы так со мной говорить!

– Извините, Михаил Федорович, простите, больше, блядь, не буду! Ты не сворачивай, отвечай: какой вы нам смысл дали? Бабло, блядь, зарабатывать? Коррупцию воровать? Захлопнись, не поправляй, это я для юмора, у одного стендапера слышала. Что еще? Машины дорогие покупать, особняки строить? Старых жен на молодых менять? Это у вас смысл?

– Да ты, я посмотрю, готовая блогерша у нас! Моралистка! А мораль-то в чем? Не то дали? Самим взять в падлу вам? В школе что делала? Вам, кстати, каждый день давали там! И Пушкина, и Гоголя, и…

– Да обосрался мне твой Пушкин! Я памятник, блядь, себе воздвиг нерукотворный! И чего? Ну памятник, дальше? Ему легко было, он этого говна не видел, где мы живем! Вот пожил бы без денег, без работы…

– Он в долгах весь был! Без денег абсолютно!

– Да? Тогда чему у него учиться?

– Ну ты и дура! Смешала зеленое с квадратным и довольна! Пушкин не про деньги, а про то, как душой работать! И головой!

– Вот я и научилась! Не хуже тебя! И если я кого из современных не знаю, то там и знать некого! В кино одни дебилы, в сериалах – тем более, а в книгах порнография у вас!

– У кого?! Имя! Название!

– Буду я запоминать всякое фуфло!

– Нет, девочка моя, там не все фуфло, но ты признать не хочешь, что вам так удобно! Жить в безымянном мире! Все одинаковые, все равные, что Лев Толстой, что какой-нибудь блогер – всё едино.

– Какой блогер? Имя!

– Не подлавливай! Все они на одно лицо!

– Ну и не надо тогда обвинять в том, чего сам не знаешь!

– Я знаю то, что обязан знать любой культурный человек!

– А я некультурная, нечего тогда говорить со мной!

– Да уже жалею, что начал! Что бесит – не просто пустота, агрессивная пустота!

Так они переругивались, все более бессвязно, а потом Юна предложила:

– Хорошо, докажи!

– Что?

– Что то, что ты говоришь, что оно хорошее, – действительно хорошее! Любимое кино покажи мне, и тогда посмот-

рим, кто прав!

– Покажу, но ты, скорее всего, видела. Его все видели.

– Название?

– «День сурка».

– Что-то слышала, но не помню. Давай смотреть.

Грошев принес ноутбук, но сидеть за столом и смотреть было неудобно, переместились в спальню-гостиную, устроились полулежа, поперек дивана-кровати, поставив ноутбук в середку меж собой.

Грошев знал этот фильм почти наизусть и вряд ли пересматривал бы, но присутствие Юны, впервые видевшей эту парадоксальную, смешную и лиричную историю,

оживляло интерес к ней; Грошев поглядывал на Юну, которая сначала смотрела снисходительно и словно по принуждению, но увлеклась, все чаще улыбалась. Ей нравилось, Грошев был рад.

Фильм закончился.

– Вот, – сказал Грошев с удовлетворением учителя, показавшего ученикам, как решается задачка. И даже математическое выражение добавил: – Что и требовалось доказать!

– А что доказать?

– Только не говори, что тебе было неинтересно!

– Нет, нормальная комедюшка такая. Воспитательная.

– Чего? – удивился Грошев. – Ну-ка объясни, только без мата, надоело. Воспитательная комедюшка?

– Конечно. У мужика началась интересная жизнь, всякие приключения, а кончилось чем?

– Реальной любовью. С хорошей женщиной.

– Да она сожрет его через неделю! Такая вся правильная, за мир пьет, стишки любит, все у нее как положено, носки вместе, тапки врозь, она ему такой распорядок устроит, будет по ниточке ходить, а через год от нее с собой покончит без всяких дней сурков! Я таких полно встречала: это надо так, это так, а если что не так, то все, ты для них не человек! А когда дети появятся, совсем пипец. Это не мат, а синоним.

– Какое слово знаем!

– Я знаю больше, чем ты забыл! Такие тетки мужиков сразу задвигают куда подальше, начинают деток мучить. Нет, правда, мораль тут какая? Найди нормальную жену, сиди и не рыпайся! Люби то, что есть! У американцев все про это: сиди и не рыпайся.

– Неправда. У них, наоборот, то и дело бунт против правил.

– Это в кино. Пусть в кино бунтуют, а ты смотри и радуйся. И тоже как будто побунтовал.

Не очень приятно было признавать Грошеву, но он понимал, что эта девчонка во многом права. Она своим девственным умишком увидела в его любимом фильме то, чего он не замечал. Да, все пришло к любви, но – к кому любовь? Ведь и правда, героиня, если вглядеться, – пошлая посредственность, ограниченная раз и навсегда устоявшимися вкусами. За мир пьет – в самом деле, это же пародия на глупеньких победительниц конкурсов красоты, у которых в набор обязательных фраз входит «Пусть будет мир во всем мире!». Герой был недоволен своей жизнью, работой, но чего-то хотел, а теперь осядет в этом городишке, купит домик, жена установит строгие правила семейного распорядка, да и он сам-то не подарок, если до сорока лет не женился и не нашел подруги, наверняка в быту тот еще крокодил и зануда. Права Юна, они друг другу такой день сурка создадут, что будет страшней фантастического.

– Знаешь, – сказал он, – а у меня ведь тоже есть сценарий фильма. Давно написал – сам для себя, для своего удовольствия. Хочешь, почитаю?

– Не сейчас. Если не ляжем спать, то опять напьемся. Я почти уже.

– Я тоже.

– Тогда спокойной ночи?

– Спокойной ночи.

День третий

«Проснувшись, Михаилу было хуже, чем вчера».

Именно такую безграмотную фразу издевательски произнес мозг Грошева, когда он очнулся. Причем казалось, что мозг отделен от него, сидит в кресле черным чертом, будучи при этом невидимым, положил ногу на ногу, покачивает копытом и ехидно наблюдает за разлепляющим глаза подопечным. И молча спрашивает:

«Худо тебе, бедолага?»

«Очень».

«Но ты ведь знал, что так и будет?»

«Знал».

«Тогда зачем?»

«Бессмысленный вопрос».

«И как? Помирать будем или что будем?»

«Отстань!»

И мозг-черт, как ни странно, отстал.

Так и помереть недолго, в самом-то деле. Надо девушку позвать. Как ее… Что-то необычное. Илона? Нет, короче, но похоже. Похоже на Аню, но не Аня. Яна? Да, вроде.

– Яна! – позвал Грошев. – Яночка!

Вошла девушка.

– Доброе утречко, дядя Миша, – сказала она. – А меня Юна зовут, будем знакомы.

– Не издевайся. У меня спросонья бывает… Память…

– Воды дать?

– Да. И немного…

– Нет. Кончилось.

– Врешь! Я точно помню, там оставалось!

– Михаил, послушай. Я это тысячу раз проходила. У матери была такая история. Если на второй и даже третий день выдержать, то все обойдется. Если нет, то запой на неделю. А потом – пятьдесят на пятьдесят, рулетка: или умрешь, или, если повезет, останешься живой. Хочешь сыграть?

– Я лучше знаю, что мне делать!

– Нет, теперь я знаю. Я терплю, и ты сможешь!

– Сучка, прекрати меня мучать! Тварь! Скотина! – завыл Грошев, выворачивая рот, зная, что выглядит безобразно, но в этом была своя похмельная хитрость: девчонка увидит, что интеллигентный и порядочный человек совсем потерял контроль над собой, значит, ему совсем плохо.

Юна ответила с неожиданной мягкостью:

– Михаил, миленький, потерпи, у тебя таблетки на кухне, принести?

– Дура! Если я с похмелья помру, тебе легче будет?

– Не помрешь. Мать ни разу не померла. Нет, померла, но потом и не от этого. Принести таблеток?

Грошев закрыл глаза. В девушке ощущалось непреклонное упорство. А мозг говорил, став из черта соболезнующим ангелом-хранителем: она права, надо выдержать, пере-

терпеть. Соглашаться с ним не хотелось.

– Чуть-чуть, пять капель! – жалобным тенорком попросил Грошев.

– Не надо. Сам же понимаешь. Принести таблетки?

– Давай.

Юна принесла таблетки, стакан с водой, потом чаю с молоком, умеренно горячего. Помогла Грошеву приподняться (кстати, подушка, постельное белье – когда это все появилось?), он по глоточку выхлебал всю кружку. Попытался встать.

– В туалет? – догадалась Юна. – Пойдем.

Опираясь на нее, Грошев добрел до туалета. Там посидел по-женски, потому что стоять не было сил. Кое-как натянул трусы (а кто и когда его раздел до трусов?), выполз из туалета, добрался, обхваченный Юной за талию, до кресла-кровати. Сел, потом лег на бок, спиной к ней. Мягкое и прохладное упало сверху – накрыла одеялом. Спасибо. Ничего. Раньше обходилось, и теперь обойдется.

Он проспал до вечера, а после Юна возилась с ним: водила в туалет, давала таблетки, поила чаем, сидела рядом, держала за руку, Грошева прошибло на чувствительность, он прошептал:

– Спасительница ты моя. Я почти в норме. Теперь немного можно.

– Ни к чему. Ты даже и не хочешь, ты по инерции.

– Хочу!

– Но не так же, как раньше?

– Нет. Раньше по-больному хотел, а теперь по-здоровому.

– А здоровые могут и не пить. У тебя снотворное есть какое-нибудь?

– Есть. Там… Принеси коробку с лекарствами, сам возьму.

– Только лишнего не заглоти.

– Я что, отравиться собрался?

– Кто тебя знает…

Ночь третья

……

День четвертый

Грошев лежал, болел, изредка вставая, чтобы наведаться в туалет, посидеть в кухне и покурить. Юна совсем пришла в себя, взялась за хозяйство: в кастрюле на плите что-то варилось; стиральная машина, стоявшая в кухне, урчала, работая; Юна нашла утюг и что-то гладила на кухонном столе, подстелив плотную старую штору.

Понимая состояние Грошева, Юна не тревожила его разговорами. Вечером упросила поесть. Грошеву было уже лучше, но он был по-прежнему болезненно вял, даже пришаркивал при ходьбе. Не Юне показывал, как ему плохо, скорее сам себе – чтобы не обнадеживаться раньше времени.

Пытался читать, что-нибудь смотреть, но ни к чему не было интереса. Да и не для интереса ему это надо было, а чтобы протянуть время, не спать, дождаться ночи, иначе будет бессонная мука.

И дотерпел, дождался,

Ночь четвертая

но все равно не заснул, прислушивался к сердцу, которое стучало часто и болезненно, потом показалось, что немеет кисть левой руки, он пошевелил ею, потрогал правой рукой – чувствительность нормальная, но ощущение онемелости сохраняется. И пальцы левой ноги начали неметь. Мизинец и тот, который рядом. Как он называется? Безымянный, как и на руке? Потом и желудок закрутило, стало жарко, Грошев откинул одеяло и тут же замерз, да так, что зубы застучали, накрылся и продолжал мерзнуть, но вскоре все же согрелся.

Возникло острое чувство то ли горечи, то ли тоски, то ли отчаяния, Грошев вникал в него и определил: это ненависть. Он ненавидит себя. Не себя целиком, а свое тело. Оно все болит, ноет, его бросает то в жар, то в холод, оно живет своей гнилой угасающей жизнью, а ведь зачем оно? – только голову носить. Да и голова не особо нужна, она – вместилище мозга. Все, что называется Михаилом Федоровичем Грошевым, там, в этом мозгу, в этом комке весом чуть больше килограмма. Если собрать мозги всех жильцов дома, они легко вместятся в мусорный контейнер, да еще останется свободное место.

Придется опять выпить снотворное. Это вредно, это ведет к привыканию, но надо выспаться, иначе завтрашний день пропадет, и его заранее жаль.

Грошев тяжело заворочался, поднимаясь, тут же возникла Юна – как чуткая сиделка.

– Что-то хочешь?

– Снотворное принять.

– И так принимал уже. Ничего, заснешь.

Юна села рядом, взяла Грошева за руку. За худую, костистую руку с дряблой кожей. Старую. Грошеву стало неприятно от этой мысли, хотел убрать руку, но не убрал. Слишком уютно и тепло было руке в ладони Юны.

Она сидела неподвижно, терпеливо глядя перед собой. Так, наверное, дежурила рядом с больной матерью.

А профиль у нее красивый. Даже странно. Странно и несправедливо: профиль как на древнегреческой камее, а повернется – продавщица из парфюмерного ларька в торговом центре. Впрочем, продавщицы бывают ничего, очень ничего, даже очень ничего…

День пятый

Наутро Юна сообщила, что неделя объявлена нерабочей.

– Я слышал, с понедельника хотели.

– Так сегодня понедельник. Пишут, что заболевших все больше и умирают уже. Ты как себя чувствуешь?

Грошев засмеялся:

– Хорошо спросила!

– Я без задней мысли. Вижу, что уже нормально.

И правда, не совсем нормально, но почти сносно чувствовал себя Грошев. Позавтракал с аппетитом, с благодарностью Юне и собственному организму.

– Пора мне валить отсюда, а то запрут Москву, застряну тут, – сказала Юна.

Грошев, услышав это, с удивлением понял, что не хочет, чтобы девушка уезжала. За это короткое время она стала привычной, будто давно уже здесь.

– Я тебя не гоню, – сказал он.

– А что я тут делать буду? Ни работы, ничего. И денег совсем мало.

– Я же сказал: решим.

– Да я без намека.

– Все равно решим.

Грошев взял телефон, увидел множество пропущенных звонков и сообщений от Маши. Потом прочитает, потом по-

звонит ей, чуть позже. А пока по делу, Тонкину.

Тонкин не ответил. Грошев написал ему: «Толя, ситуация аховая, срочно нужны деньги!» Подумав, добавил: «Хочешь верь, хочешь нет, меня ограбили. У меня полный ноль». Еще подумал и еще добавил: «Всего 10 тыс. Но срочно. На карту. И я тебе все прощу». Перед отправлением последнюю фразу стер.

Пошел принимать душ, побрился, переоделся во все чистое, заглянул в телефон: от Тонкина ни ответа, ни денег.

И что делать? Побираться по друзьям и знакомым? Большинство из них люди довольно обеспеченные, не удивятся, если попросишь и полмиллиона (это не значит, что дадут), а вот если стукнуться насчет мелочи, то придется объяснять, почему он так стремительно обнищал, что-то придумывать или рассказывать о казусном случае в магазине. И то и другое унизительно.

Четверть века живет Грошев в Москве, почти половину жизни, обзавелся кучей знакомств и связей, а настоящих друзей – ни одного. Все остались в Саратове. Все, кто еще жив. Там общее детство, общая юность, молодость, это роднит навсегда, как кровная близость. Сравнение допустимое: братья и сестры потому близки, что питаются в утробе одними и теми же соками, а живущие вместе на каком-то участке земли пьют одну воду, дышат одним воздухом, видят одни облака днем и звезды ночью.

Есть, правда, Леня Кропалев, земляк и периодический

друг, как называет его мысленно Грошев, но у Лени он и без того слишком часто одалживается.

Вот и получается: некому позвонить в трудную минуту.

Придется все-таки объясняться с Машей. И у нее просить денег. Она даст, да еще и с радостью даст.

Маша возникла два года назад. А за год до этого, когда Грошев оформил заслуженную пенсию, проскочив перед самым началом пенсионной реформы, когда решил взяться за свою книгу всерьез и вплотную, когда принялся ворошить написанные тексты и готовиться к творческому подвигу, его ошарашил такой сердечный приступ, что пришлось полежать в больнице целых две недели. Там-то он и оценил степень своего одиночества. Конечно, в больнице каждый открывает для себя, что главное свойство человека, как и любого другого живого существа, – отдельность. Можно вместе работать, отдыхать, радоваться, печалиться, даже думать можно вместе, если вслух или по переписке, а болеть вместе нельзя, ты всегда со своей хворью один на один. Но все же легче тем, кого кто-то навещает, а Грошева не навещал никто.

Впрочем, он никому и не сообщал, что находится в больнице.

И подводил чуть ли не со сладострастием отчаяния итоги: кто же у меня есть?

Итоги были неутешительные.

Есть недавняя, а теперь бывшая жена Марина и две доч-

ки, девятилетние близняшки Мирра и Лея. Грошев не хотел видеть их в больнице. Марина будет соболезновать, показывать тревогу, все-таки он отец ее детей, почти одиннадцать лет вместе прожили, но не сумеет скрыть невольного злорадства, и, если даже скроет, мнительный Грошев это разглядит, почувствует. А Мирра и Лея и так расстроены, что папа ушел, не хочется их огорчать дополнительно; с ними лучше видеться наездами, весело и бодро, в ответ получая приветливость и радость, – они чуткие девочки, они понимают, что если будут радостными, то папа будет доволен, он вспомнит, какие они хорошие, и, может быть, вернется, а если будут хмурыми и обиженными, он к таким врединам возвращаться не захочет. А дело-то не в них, дело в Марине. Или ладно, пусть не в Марине дело, а в нем самом, в любом случае возвращение невозможно.

Есть Гелена, Геля, с которой он жил пять лет до Марины. Ей звонить было бы нелепо, они после расставания не общались. Да и сама история была странной: Грошев познакомился с этой простой и милой женщиной, помощницей помощника какого-то депутата, на фуршете, стояли рядом, разговорились, и так получилось, что он проводил ее на такси до дома, зашел по ее предложению выпить вина на дорожку, остался, уже через месяц она вместе с четырехлетней дочкой переехала из своей съемной квартиры к нему, через два месяца он понял, что у них мало общего, надо бы расстаться, но при первых же его намекающих словах Геля страшно пу-

галась, губы дрожали, глаза становились похоронно-горестными, и Грошев откладывал разговор. И так пять лет, равномерно мучительных лет с редкими моментами жалости к Геле, которая, думалось ему, не перенесет неизбежного расставания. Кстати, перенесла, через полгода нашла себе другого мужчину, чему Грошев был только рад.

Есть первая жена Вероника и сын Максим, оставленные в Саратове давным-давно. Максиму уже сорок, Веронике шестьдесят два, это отслоившаяся часть жизни, чем они занимаются и как живут, Грошев не знает. Не его вина – Вероника после развода очень скоро вышла замуж, Максим стал чужим пасынком, звонит раз в год, поздравляет с днем рождения, и все.

Список близких исчерпан, меж тем в телефоне, в меню контактов, – больше трехсот номеров. Меню длинное, а кушать нечего. Юмор посредственный, но таков и юморист.

И вот вопрос: если в следующий раз будет не просто приступ, если он будет умирать, – кому все оставить? Кто приведет в порядок тексты и опубликует? История знает случаи посмертной славы – Кафка, Андрей Платонов, Стиг Ларссон, которого все помнят по роману «Девушка с татуировкой дракона» и одноименному фильму. Кто-то же там позаботился, разобрался, довел до публикации!

Кому это достанется? Марине глубочайшим образом наплевать на все, что он делает, из-за этого, собственно, и разошлись. О Веронике в этом смысле даже думать странно.

Максим занимается мелкооптовым бизнесом, далек от литературы, вряд ли сейчас что-то читает, как и большинство его сверстников.

Еще больнее вопрос: что же, так теперь одному до смерти и жить? Тот самый случай, когда пресловутую кружку воды подать будет некому?

И созрел план найти кого-нибудь. То есть не кого-нибудь, а женщину от тридцати пяти до сорока пяти, можно и под пятьдесят, но свежую, обязательно с гуманитарными интересами, любящую книги, умную, симпатичную. Почти нереально, но возможно.

Выйдя из больницы, Грошев начал поиски – естественно, не в жизни, а в Сети. По неопытности сплошь и рядом попадал на сайты интимных услуг с фотографиями, которые, на вкус Грошева, были слишком похабны; как многие мужчины, он допускал печальную необходимость продажного разврата, но хотел бы, чтобы предлагающие себя девушки слегка этого разврата стеснялись, поэтому показ частей тела во всей их сомнительной красе его коробил.

Но отыскались и сайты для людей, имеющих серьезные намерения устроить судьбу, началась переписка, последовали три встречи-знакомства.

Первой была неулыбчивая дама из сферы госслужбы, так она это назвала, без уточнений. Дама назначила свидание в обычной «Шоколаднице», опоздала на полчаса, с достоинством извинилась, сославшись на кромешную занятость, тут

же выдала устное резюме: у нее двое взрослых самостоятельных детей, мужа нет, хорошая двухкомнатная квартира на Ленинском проспекте, она вполне довольна жизнью и работой, любит такие-то книги, такое-то кино, не любит безответственных и пьющих мужчин, ей никто не нужен, просто хочется иногда в выходной день куда-то вместе сходить, поделиться впечатлениями и так далее. В принципе, возможна и совместная жизнь, но этот вопрос может быть поставлен на обсуждение через пару лет после регулярных совместных проведений досуга. Она изложила все это, выслушала аттестацию о себе Грошева, и вид при этом у нее был такой, словно она заранее решила, что ничего не получится, и лишь формально отбывала номер. В итоге сказала:

– Мне кажется, мы друг другу не очень подходим. Приятно было познакомиться. Не волнуйтесь, свой заказ я оплачу сама.

А Грошев и не волновался, там заказа-то было – греческий салат и чай с имбирем.

Вторая оказалась руководительницей детского хора, она часа полтора рассказывала об успехах этого хора, о поездках, о выступлениях за границей, потом извинилась и спросила, есть ли у Грошева дача. Ей врачи посоветовали побольше бывать на свежем воздухе, а своей дачей не обзавелась, как и мужем, и детьми, все откладывала, слишком увлеченная работой, талантами воспитанников. И опять пустилась рассказывать, какие у нее замечательные питомцы и каких успехов

они добиваются, вырастая. Расстались добросердечно, благодаря друг друга за знакомство и пообещав созвониться.

Ни он, ни она не позвонили.

Третья женщина Грошева поразила – приехала на красивой машине, сама была красива и лицом, и особенно фигурой. Нет, слово «фигура» не подходит, в нем что-то геометрическое, тут другое просится: тело теплое, плоть плавная, волны и изгибы. Мужчины оборачивались, когда она проходила мимо столиков одного из самых дорогих и модных ресторанов Москвы. Предельная у нее была фигура, вот что будет самое точное. Представьте чашу, налитую водой до краев, уровень воды выше этих краев за счет натяжения, но, пока вода не перелилась, поверхность ее идеально гладкая. Однако еще чуть-чуть, совсем чуть-чуть – и все, выплеснется, и покажется, что это не вода была в чаше, а тесто в квашне.

Она работала топ-менеджером крупной фармацевтической компании, знала себе цену, Грошев сразу понял, что не понравился ей, а когда красавица узнала, что он приехал на метро, наверняка мысленно поставила на нем крест. Но почему-то разочарования своего не обнаруживала, была оживленной, энергичной, веселой, показывала знание редких вин и блюд, зачем-то тратя на Грошева свое драгоценное время. К чему-то она вела, Грошев никак не мог догадаться. И вот в финале она спросила напрямик:

– Еще раз встретимся?

И Грошев честно ответил:

– Извините, вряд ли.

Лицо предельной женщины покраснело, она бросила на стол салфетку, а с нею заодно и свои светские манеры, спросила грубо, презрительно:

– Блин, но вы-то почему? Был бы молодой, красивый, богатый, а вы, простите за правду, полное ничего! Боитесь меня, что ли? Не по карману я вам? Не по статусу? Только честно говорите, вы же неглупый, вот и объясните мне, неглупый, что не так? Почему я в это вляпываюсь все время? Слишком для вас всех хороша?

– Наверно. Даже странно, что вы ни с кем обычным способом…

– Пробовала я и обычным, и необычным, всяким пробовала! Сплошные обломы! Прямо загадка какая-то!

У Грошева была отгадка, причем очевидная, – следовательно, именно такая, какую женщины и не хотят замечать. Наверное, все претенденты, как и он, либо осознанно, либо чутьем понимали, что очень скоро эта красавица изменится, выйдет за пределы, быстро и непоправимо подурнеет, но привычки и замашки царицы останутся, и она каждый день будет требовать поклонения такого же, как и раньше. К тому же слишком много она говорила о фармацевтике и своих успехах – легко предположить, что потребует и впредь постоянного внимания к своим делам и речам.

Грошев ничего этого не сказал, утешил женщину ожидаемым ответом:

– Вы сами объяснили: вам трудно соответствовать.

– Да это только кажется! Это привычка у меня профессиональная – настойчивой выгляжу, напористой! Впечатление складывается, что давлю. Но вы меня дома не видели, я там – обслуга послушная! И борщ такой сварю, какой вам никакая повариха не сварит. Это я к слову, не в борще дело. Мне нарочно, что ли, хуже стать, проще?

– Нет. Если позволите, могу дать совет: ищите человека своего круга. У нас культурные коды разные, опыт разный, интересы разные, все разное.

– Когда вы успели понять?

– Догадался.

Грошев, объясняя предельной женщине значение кодов, опыта и интересов, заодно и сам уяснил: да, в своих кругах надо искать, а не рыскать в Сети, надеясь на чудо.

И поэтому искать перестал совсем, поскольку свой круг у него в последнее время ограничивался домом и окрестностями.

И тут – Маша. Встретились в издательстве, она о нем слышала, а он о ней: переводит тоже детективы, преимущественно американские, перепадают и выгодные практические книжки – кулинарные, психологические, по интерьеру, инструкции, как стать богатым в короткий срок, и т. п. Приятно пообщались, захотелось продолжить. Маше было всего сорок шесть, сейчас сорок восемь, худощавая, вполне симпатичная, сын-студент, уникальный бывший муж, большой че-

ловек в госкомпании, который, влюбившись в молоденькую красотку, уйдя к ней и заведя там двух детей, Машу очень жалел за то, что обездолил ее, лишил себя, такого хорошего, и, чтобы меньше мучиться угрызениями совести, посылал ей ежемесячно фиксированную сумму. Считается, что помощь сыну, но и Маше остается.

– Подлец и эгоист, – смеялась Маша, рассказывая, – но благородный подлец и благородный эгоист. Костя часто гостит у него, с сестренкой и братиком дружит. Володя и меня позвал бы, но жена будет недовольна. Может, это и есть семья будущего: и новая жена с детьми при муже, и старая тут же, во флигелечке каком-нибудь?

– Или два мужа у одной жены, – подхватывал Грошев, посмеиваясь.

– Или так: муж замутил с другой, но и прежняя при нем, а прежняя тоже замуж вышла, живут вчетвером. Плюс общие дети.

Они с Машей начали созваниваться, переписываться, встречаться. Гуляли, в кино ходили, в кафе сидели, Грошев бывал у нее в гостях, но на ночь остаться не покушался: сын за стенкой, неудобно, а к себе не приглашал, отговаривался тем, что квартира в неприглядном предремонтном состоянии. Тут ведь как? Если мужчина остается на ночь у женщины, он предполагает, что женщина ждет от него близости, а женщина предполагает, что близости хочет он, оба неловко помогают друг другу сделать то, чего, возможно, обоим

пока и не хочется. И наоборот, если женщина гостит у мужчины, она думает, что тот зазвал ее не просто так, и, если он ей симпатичен, делает вид благорасположенности к возможному развитию событий, мужчина принимает это за намек, за призыв к активности, начинает стараться, независимо от того, собирался ли он в этот вечер и в эту ночь активничать. А главное, домашний интим сразу переводит отношения на другой уровень, ты пускаешь человека в свой дом уже не временным гостем, а временным сожителем.

Но сближения Грошеву все же хотелось, чтобы окончательно понять, подходит ли ему эта женщина, а по опыту своих предыдущих жизней (именно так он любит о себе говорить) знал, что лучше всего делать это на нейтральной территории. И однажды он позвал Машу на недельку в подмосковный пансионат. Хочется, дескать, отдохнуть от рутины, побыть наедине с природой.

– И с тобой, – добавил он.

Маша слегка растерялась. Оттягивала ответ, спросила:

– Почему именно туда? Ты там с кем-то был?

– Один был в прошлом году. Очень понравилось.

– А что там особенного?

– Да ничего. Лес, два пруда, тропинки. Кухня неплохая. Знаешь же, как бывает: все как везде, а тебе почему-то хорошо. Надеюсь, и тебе будет хорошо.

– Надо посмотреть, что у меня с работой…

– Возьмешь с собой, в чем проблема.

– На машине поедем или туда по-другому можно?

У Маши была машина, купленная бывшим мужем, «рено дастер» морковного цвета, она ездила на ней редко. И не любила, и при ее работе в том не было необходимости. Сын Костя на машину не претендовал, говорил, что в тачку такого колера даже пассажиром не сядет. А Грошеву, который, было дело, прокатился один раз с Машей, понравилось. Она за рулем выглядела увереннее, чем обычно, это избавляло Грошева от ощущения, что он в отношениях ведущий, что все зависит от его инициативы.

– Можно на электричке, – сказал Грошев, – но от станции пешком далеко, а на маршрутке с вещами не очень удобно.

Маша задавала еще какие-то вопросы, Грошев терпеливо отвечал. Догадался, что Маша хочет понять степень его настойчивости, хочет более активных уговоров, и начал уговаривать, и это позволило Маше показать самой себе, что она не столько соглашается, сколько уступает.

И они поехали, забронировав супружеский номер; Маша волновалась (она призналась потом, что, кроме мужа, у нее никого не было), Грошев знал, что умолчания только усугубляют неловкость, поэтому заговорил прямо:

– Ты все понимаешь, я все понимаю, я хочу с тобой окончательно подружиться, побыть рядом, но предупреждаю: сегодня ничего не будет, я в силе еще, но легкий психоз, первые шаги…

– Да, конечно, конечно, – пробормотала Маша. – Я ничего

и не жду… Может, и не надо… Я не против, но…

Похоже, она уже жалела, что согласилась на эту поездку.

А Грошев гнул свою линию.

– Ничего не выйдет, успокойся, – говорил он, ложась с Машей и обнимая ее.

– Даже не надейся, – говорил, целуя и с доброй улыбкой глядя ей в глаза.

– Хоть умоляй, бесполезно! – говорил он, прижимаясь к ней, ибо уже было чем прижиматься: организм, часто бастующий, когда его просят, словно обиделся, что на него совсем уж не надеются, и показал свою силу.

– Это случайно, не очень-то обольщайся, – продолжал свою игру Грошев, уже начав действовать.

И Маша вдруг подхватила игру.

– Не очень-то и хотелось, – сказала она. – Можем и поспать спокойно.

– Да я и сплю почти, сплю и сон вижу, приятный сон, чертовски приятный сон, – приговаривал Грошев.

– Ну и пусть снится, он сам по себе, а мы сами по себе. Сами по себе. Сами по себе.

– Вот именно. Еще минуточку пусть поснится, и хватит. И еще минуточку, и еще, и еще, и еще. А мы даже не замечаем, не замечаем, не замечаем.

– Правда, правда, правда… Говори. Мне нравится, когда ты говоришь.

И Грошев что-то говорил – до самого последнего момен-

та, но потом все же замолчал, и Маша уже не просила говорить, страдальчески сморщилась, будто ей было больно, но Грошев знал, что это не боль.

В общем, все вышло славно, через две недели они опять наведались в этот пансионат. Закрепили успех.

Однажды Маша засиделась у Грошева допоздна, он предложил ей остаться. Маша согласилась, позвонила сыну, сказала, что гостит с ночевкой у подруги, было видно, что эта маленькая ложь приносит ей большое удовольствие. Так скромные девушки строгим мамам врут. Наутро Грошев проснулся позже Маши, она была в ванной. Ну вот, уже неудобство, хмуро подумал Грошев. Сейчас бы умыться, кофе выпить – и за работу; нет, жди, пока она там… Когда вышла, сказал:

– Извини, у меня даже лишней зубной щетки нет.

– А я со своей. И щетка есть, и все что нужно. – У Маши была в руках объемистая косметичка.

– Ты что же, знала, что…

– Конечно!

Наверное, Грошев слишком откровенно испугался, Маша рассмеялась:

– Успокойся, я всегда с собой щетку ношу. Подруга-стоматолог научила: всегда и везде имей щетку, ибо, – Маша подняла руку и провозгласила, изображая подругу, налегая на «о», будто читала церковную проповедь, – чистить зубы надо не только утром и вечером, а после каждой еды! Ну что,

кофе, легкий завтрак – и по своим делам?

Догадливая, оценил Грошев.

И было еще несколько ночей у него дома, но ни разу Маша не покусилась остаться на день, не заводила здесь своих вещей, только тапки.

Грошев взял телефон, прочел два сообщения:

«Ты все еще болеешь?» и «Можно хотя бы написать, что жив?!!!»

Грошев написал:

«Жив. Позже позвоню».

Нет, просить денег он у Маши сейчас не будет. Она одолжит, но настоит на том, чтобы приехать. Это не ко времени, не к состоянию, да еще увидит Юну, надо будет что-то говорить…

– Вот что, – сказал он Юне. – Давай не спешить. Есть один человек, он и с деньгами поможет, и с работой для тебя. Но ему так просто не позвонишь, я сообщение напишу, он сам позвонит, когда сможет.

– Олигарх какой-нибудь?

– Практически.

Грошев имел в виду Злотникова, с которым проработал долгое время. Вернее, на которого работал. Был при нем переводчиком, помощником, конфидентом. Злотников – человек широкого профиля, имеющий расплывчатый статус общественного деятеля. В России таких немало, в том числе в высших сферах, и занимаются они самыми неожиданными

вещами – то это поставки импортного оборудования для отечественных атомных электростанций, то, наоборот, поставки отечественного оборудования зарубежным станциям, то организация международной экономической конференции, то вдруг поездка в Китай и встречи с тамошними лесозаготовителями, то надо срочно лететь во Владивосток и что-то там налаживать в рыболовецкой отрасли. Он решал вопросы, и это самое верное название его профессии и специальности – решатель вопросов. Злотникова ценили, он имел несколько правительственных наград, Грошеву при нем было сытно, почти даже богато, но все кончается, ему нашли замену в виде родственницы какого-то зама какого-то министра, Злотников расстался с Грошевым дружески, однако никакого другого места не предложил. И Грошев обнаружил, что перспективы не просматриваются, запасов почти нет, а тут и семейный кризис, сбережения ушли на покупку квартиры, и вот он таков, каков теперь есть, – беден, почти нищ, и прежние знакомства не играют никакой роли. Спасибо, что нашлись знакомые знакомых, которые свели его с Тонкиным, тот дал для пробы перевести книгу, Грошев выполнил перевод быстро и качественно, стал получать работу регулярно, платили не миллионы, но на жизнь хватало, а большего Грошев уже и не хотел.

Да, к Злотникову придется толкнуться. Тот кое-чем Грошеву обязан, кое-что Грошев знает о нем, чего не знают другие, – тоже, как говорится, фактор. Короче, Злотников дол-

жен помочь.

И Грошев написал: «Сергей Ильич, попал в неприятную ситуацию, страшно неловко, не одолжите на пару месяцев… – тут он написал “10”, подержал палец в воздухе и тюкнул еще раз по нолику, – 100 тыщ?» «Тыщ», а не «тысяч», это правильно, это добавляет немного юморца в просьбу. Дескать, деньги для вас и для меня не такие уж большие, нефиг их тысячами величать.

Подумав, все стер. Нельзя так прямо и в лоб. Надо не буквами излагать просьбу, а словами. Устно.

Он написал: «Сергей Ильич, могу позвонить?»

Через пару минут тенькнуло:

«Вечером после 21».

«Спасибо!»

Коротая день, Грошев рассказал Юне о своей работе со Злотниковым, о поездках, о занятных случаях, но ей было не очень интересно.

Грошев предложил прогуляться.

– Как это? Нельзя же.

– А мы будто до магазина. А сами – в парк.

По пустой, безлюдной и почти безмашинной улице Грошев и Юна направились к лесу. Перешли дорогу, сзади послышался сигнал. Грошев оглянулся. Из остановившейся белой машины с голубой полосой вышли двое полицейских, один постарше, другой помоложе.

– Куда направляемся? – спросил старший.

– Здравствуйте, – наставительно сказала Юна.

– Здравствуйте, – не чинясь, исправился старший. – Так куда?

– В парк, – ответил Грошев.

– А что домашний режим объявлен, не знаете?

– Это когда? – удивилась Юна. – У нас телевизора нет, мы ничего не слышали.

– Да ладно, в интернете тоже сообщают все время, не могли не знать, – не поверил молодой. – Сам президент попросил.

– Просьба – не приказ, – сказал Грошев.

Старшему его слова не понравились.

– Если президент просит, значит, приказ. А если даже и не приказ, он на вашу сознательность надеется. И я вас тоже добром прошу: не надо прогулок пока, другие увидят, – старший кивнул в сторону домов, – тоже захотят, цепная реакция начнется.

Полицейские были обычные служаки, Грошеву не хотелось вступать в ненужный конфликт. Он сказал:

– Ладно, убедили. Вернемся.

– С какого перепуга? – уперлась Юна. – У нас комендантский час, что ли, ввели? Ввели или нет? Я спросила!

Младший сделал шаг к Юне. Похоже, он был настроен скрасить рабочее время работой.

– Вас задержать? Задержим!

– Основания?! – потребовала Юна.

– Ютубов насмотрелась? – спросил младший.

– Мое дело, чего я насмотрелась!

– Все чужие законы изучили, а своих выполнять не хотят! – обвинил младший.

– Какие законы? Статья, номер?

Они продолжали препираться, а старший полицейский и Грошев были в роли наблюдателей. И оба видели, что девушке и молодому человеку принцип не так уж важен, тут, как ни странно, легкий флирт под видом конфликта, а может, что-то вроде тренинга – друг на друге испытывают полемические приемы, которые пригодятся в более серьезных ситуациях. Грошев увидел легкую усмешку на лице полицейского и обнаружил, что сам тоже посмеивается, они с полицейским переглянулись, и полицейский сказал:

– Ладно, рискуйте, если хотите, но учтите, нас предупредили об ужесточении. Завтра можем и арестовать. Поехали! – позвал он молодого.

Тот, как бы нехотя повинуясь, но на самом деле с облегчением пошел к машине.

В лесу было сыро, пахло прелой листвой, в овражках и ямах виднелся снег и талые лужи. С обеих сторон парковой дороги – сетчатая изгородь с покосившимися столбами и прорехами. Грошеву хотелось поскорее довести Юну до поворота, где был путь по настоящему, неогороженному лесу до пруда, поэтому он шел быстро. Юна спросила:

– А куда мы гоним?

– Чтобы не замерзнуть.

– Мне и так не холодно.

Грошев сбавил.

Медленный шаг означает прогулку, прогулка предполагает беседу.

– Как сейчас в Саратове? – спросил Грошев. – Я там давно не был.

– Да никак, – ответила Юна.

– Что значит «никак»? Что-то же происходит.

– А что тебе интересно?

– Ну… В мое время были общие темы какие-то. Какие-то события. Вот ходил троллейбус по проспекту Кирова, а потом проспект сделали пешеходным, все об этом говорят, обсуждают.

– Я при троллейбусах на Кирова не жила.

– Или цветомузыкальный фонтан соорудили у консерватории. Тоже событие.

– Почему цветомузыкальный?

– Там подсветка была цветная, она менялась, и музыка играла. Сейчас не так?

– Я редко бываю там. Не мои места.

– А где твои?

– Где живу. На Солнечном.

– Это новый микрорайон?

– Ничего себе новый, его сто лет назад построили.

– Для меня был новый. А что в театре, не знаешь? Театр гремел там в свое время.

– Может быть. Ты про ТЮЗ?

– И про него, и про драму. Имени Карла Маркса. Так он назывался. Знаешь, кто такой Карл Маркс?

– Не подкалывай, я историю учила в школе.

– Но что-то же происходит в городе, о чем говорят?

– Понятия не имею.

– Не интересуешься?

– А чем? Я же говорю: ничего не происходит.

– Это смотря в каком смысле.

– А ты в каком?

– Послушай, не надо так враждебно. Я просто спрашиваю.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Ну, узнаешь ты, что там что-то произошло, какое это отношение к тебе имеет?

– Все-таки мой родной город.

– И что? Если так интересно, можно в интернете посмотреть.

Подтверждая это, Юна достала телефон и на ходу начала читать:

– «В Саратове идет девятый региональный конкурс чтецов среди старшеклассников… Из-за коронавируса не будут проводиться ярмарки на Театральной площади… В Саратов прибыли троллейбусы, проездившие в Москве от восьми

до четырнадцати лет… На пожаре погибла женщина девяносто семи лет. По предварительным данным, пожар случился из-за несоблюдения правил пожарной безопасности при эксплуатации газовой плиты. Площадь пожара составила один квадратный метр…»

– Так и написано?

– Можешь посмотреть. Вот еще интересная новость: «Стали известны подробности убийства мужчины, останки которого нашли у гаражей на улице Ипподромной. Двадцать пятого марта мужчина позвал в гости приятеля, во время распития спиртных напитков они поссорились, он ударил его ножом в шею, а потом продолжал ранить в живот. Когда потерпевший умер, злоумышленник расчленил его тело, сложил в пакеты и в течение нескольких дней ходил их выбрасывать неподалеку. Вчера вечером останки нашел прохожий и сообщил в полицию». Еще почитать?

– Хватит. Расчленил, останки… Тоска.

– Я и говорю. В Саратове тоска, везде тоска.

– Ты так чувствуешь?

– Живу я так. С матерью занималась, какой-то смысл был. Думала, когда все кончится, что-то другое начнется. Ничего не началось. Никакого смысла. Ты сам лучше меня это знаешь, если писатель. Ну вот идем мы с тобой куда-то, только не обижайся, я не против прогуляться, но смысл какой? Зачем?

– Воздухом дышим. Общаемся.

– Я не об этом.

– А о чем?

– Собачки тоже бегают, дышат, общаются. Ради чего?

– Фундаментальные вопросы задаешь, однако.

– Обычные вопросы. Мать один раз сказала: знаешь, говорит, я даже начинаю понимать, зачем я умираю, а вот зачем жила, не понимаю. Тебя, говорит, только родила, и всё. И могла сразу после этого умереть.

– И ты родишь кого-нибудь, тут же смысл появится.

– Не рожу. Ненавижу детей. Даже себя ненавидела, когда ребенком была.

– Шутишь?

– Если бы! Я умней сама себя была, головой была очень рано взрослая, а остальное все детское. Хотела быстрей вырасти. А выросла – все еще хуже.

– Что именно?

Юна не ответила.

Они миновали заборы, оказались на тропе среди высоких сосен. Тут были плавные пригорки вдоль ручья, на них катался одинокий велосипедист-подросток. Под навесом, за дощатым столом, сидели несколько шахматистов пенсионного возраста в масках: двое играли, остальные наблюдали. Эти любители всегда тут собираются, и зимой и летом. Меж тем заморосило мелким дождем, Грошев и Юна укрылись под грибком на детской площадке, которая была устроена на поляне, – горки, песочницы, качели и разные приспособле-

ния для лазанья.

– Раньше тут этого не было, – сказал Грошев.

– Ну да, все к лучшему меняется.

– Это плохо?

– Не понимаю, ты мне что-то доказать хочешь?

– Непросто с тобой говорить.

– Не говори, я не напрашиваюсь.

Юна достала сигареты, закурила.

Закурил и Грошев.

У него было неприятное ощущение, что они с Юной спорили и он в этом споре проиграл. Но о чем был спор, почему проиграл – непонятно.

– Ты не парься, – сказала Юна. – У меня просто настроение… Зачем я сюда приехала, на что надеялась? Я знаешь что хочу? Вот у бабки в деревне – куры, утки, индюшки. Она с ними возится целый день. В огороде копается. И все время веселая. Поработает – идет чай пить. Это прямо процесс целый. В чайник травки добавляет, настаивает, в кружку заварку нальет, огромная такая кружка, понюхает, еще нальет или не нальет, по запаху определяет, хватит заварки или нет. Потом кипятку туда, потом кусок хлеба отрезает, намазывает маслом, а сверху клубничным вареньем, у нее свое варенье, очень вкусное, в тазу варила, запах – обалдеть! И вот она этот чай пьет, бутерброд этот откусывает и аж вся светится. Мне тоже сразу хочется, тоже себе так делаю. Сидим, пьем, и нам хорошо. Нет, правда, если хочу что-то вспомнить хо-

рошее в жизни, то вот это – как с бабкой чай пью. И это мне подсказка, разве нет? Если тебе там хорошо, то и езжай туда. Куры, индюшки, а потом чайку попить.

– В этом своя прелесть.

– Да никакой в этом прелести. Получается, это все, что мне надо?

– Ты меня спрашиваешь?

– Нет, конечно. Так. Размышляю. Тебе повезло, у тебя любовь была. А как это ощущается? На что похоже?

– Не объяснишь. Я пробовал написать об этом. Даже написал, но не закончил.

– Дашь почитать?

– Могу и сам – вслух. Там немного.

– Пойдем домой тогда? Можно как-то короче вернуться?

– Короче нет, быстрее можно.

Грошев вывел Юну к другому выходу из парка, по улице с милым названием Пасечная, между строениями Тимирязевской академии, – все здания невысокие, выглядят скромно и деловито, людей не видно, но каким-то образом чувствуешь, что там настоящая жизнь и учеба ради производства хлеба насущного. А вон деревянный домик, где Грошев регулярно покупает мед, настоящий мед с настоящих пасек, в том числе в сотах, – разнотравный, кипрейный, липовый, таежный, гречишный, донниковый, Грошеву нравится думать, что он разбирается в этих сортах, а магазинный презирает уже за то, что он вечно жидкий, чего с подлинным медом не бывает

и быть не может, если это не каштановый или акациевый, но в магазинах такого нет.

Юна вдруг остановилась, втянула воздух, заулыбалась.

– Чувствуешь?

– Навоз. Тут ферма.

– Навоз! Обалденный запах! У бабки в сарае так пахнет, в хлеву, мне не очень нравилось, а сейчас… Прямо как родное!

У Юны даже глаза увлажнились, так она растрогалась.

Грошеву было это приятно – хоть чем-то угодили Юне его обжитые за эти годы и уже полюбившиеся места. Пусть даже и навозом.

Вышли к трамвайной линии, увидели, что подходит трамвай, побежали через дорогу, хотя свет был красный, но машин почти не было, лишь одна издали с укоризной погудела им, напоминая о том, что могло бы случиться, если бы она была ближе. Грошев бежал и радовался тому совместному, дружескому и весело-правонарушительному, что было в этом беге. Как сообщники они бежали.

Успели, вскочили в трамвай, смеялись, глядя друг на друга. Грошев достал бумажник, в котором была его социальная карта, приложил, высветилась зеленая галочка.

– А мне как? – спросила Юна.

– Купить билет.

– И сколько?

– Не помню. Даже смешно. Я почти три года пенсионер.

В метро, в трамвае, везде бесплатно.

– Хорошо живете!

Пожилая женщина, сидевшая у окна с сумкой на коленях, услышала их разговор и отозвалась.

– Москва все-таки! – сказала она с уважением. – А билет пятьдесят пять рублей стоит.

– Фигасе!

– Контролеры недавно были, вряд ли опять пойдут, – сообщила словоохотливая женщина. – Но лучше все-таки взять. Я очень скромно жила, но никогда без билета не ездила. Зато возьмешь и едешь спокойно. А то сиди и трясись: вдруг контроль. Штраф-то бог с ним, но позора не оберешься! А главное, три копейки стоило-то всего! Но в наше время, вот мужчина не даст соврать, и три копейки были деньги. А сейчас пятьдесят пять рублей – пустяки, купить нечего.

Женщина была – или выглядела – старше Грошева, его покоробило, что она приравняла его к себе. У него было, как и у всех нас, разное восприятие других и себя: ровесники кажутся нам старше, чем мы сами, причем намного.

И вот – напомнила о возрасте болтливая старушка. И Юна не могла не обратить на это внимание.

Но если и обратила, ему-то какое дело, он разве намерен молодиться перед нею? Зачем, для чего?

С этими мыслями и разговорами время прошло быстро, да и ехать-то всего одну остановку, и вот уже выходить.

– Всё? – удивилась Юна.

– Всё. Не успели заплатить.

– Я и не собиралась!

Вернувшись домой, занялись приготовлением еды. Грошев заварил чай, достал хлеб, подсушил в тостере, намазал два куска маслом, а потом медом. Поглядывал на Юну: видишь, и я могу, как бабка!

– Варенья клубничного нет, извини.

– Она и с медом делала, тоже хорошо.

После обеда и чая Грошев достал из письменного стола толстую папку с выведенной фломастером цифрой «I» на обложке, а из папки – стопку листов в прозрачном файле.

– Для правки всегда распечатываю, – объяснил он. – Писать могу на чем угодно, даже на телефоне, а читать и править надо все-таки с бумаги.

Налил себе еще чаю, поставил в центр стола пепельницу, приготовился.

– Почему хочу вслух – потому что это устный вариант. Я до этого раз двадцать начинал и так и сяк, и все не так, все литература получается. Героев по-разному называл, события допридумывал. Не хочу литературу, хочу, чтобы все живо было, по-настоящему. Поэтому решил не буквами, а вслух. Будто рассказываю. Нет, потом поправил кое-где, но это устная речь, если какие-то повторы или что-то не совсем связное – так надо.

Он отхлебнул чаю, закурил.

– Но это все-таки не совсем я рассказываю, это от лица героя.

– Не про себя?

– Про себя, но какие-то детали другие. Не документальное повествование, а художественное. А в целом все так. В самом главном. Имена все сохранил. Потом, может, изменю.

Он затушил сигарету, взял листы.

– Если захочешь что-то сказать – ну, мало ли, мысль какая-то возникнет, что-то не понравится или наоборот, или вопросы какие-то, запоминай, потом все скажешь.

– Хорошо.

И Грошев начал, прочитал заголовок:

– «Недо».

И тут же пояснил:

– Это название такое. Есть слова – недоесть, недопить, недоумение, недоговоренность. Когда что-то начато и не закончено. Приставка как существительное. Отдельное понятие. Но к нему можно присобачить что угодно. Название – как метафора, образ.

– Дошло, читай уже!

– Читаю.

НЕДО

Здравствуй, Танечка.

Только начал и сразу начал тупить. Какое может быть

«здравствуй», если человек умер?

Прочитав это, Грошев глянул на Юну. Хотелось увидеть реакцию на это эффектное начало.

Юна тут же спросила:

– Ты ко мне, что ли, обращаться будешь? Очень приятно – будто я мертвая!

– Как к слушательнице!

– Все равно не надо! Я смущаться буду. Получится, что ты читаешь, а сам смотришь, как я слушаю, а я такая должна по струночке сидеть. Напрягает.

– Может, тебе в другую комнату выйти и оттуда послушать?

– Зачем? Ты мне фотографии показывал, возьми какую-нибудь, поставь перед собой, смотри на нее и читай. Это будет правильно.

– Возможно. Да, пожалуй.

Грошев сходил за фотографией. У него был портрет Тани, девять на двенадцать, она снималась в ателье, получилась очень красивой, фотография без рамки, но на картонной подложке, на паспарту. Прислонил к объемистой пузатой сахарнице, снизу подпер ножом, чтобы не соскользнула.

Здравствуй, Танечка.

Только начал и сразу начал тупить. Какое может быть «здравствуй», если человек умер?

Посмотрел на фотографию, увидел краем глаза, что Юна еле сдерживается от смеха. Схватил фотографию, положил

лицом вниз.

– Нет, ерунда. Какой-то театр получается.

– Это точно, смешно. Ты просто читай и смотри в текст. Будто она у тебя где-то там. Не на бумаге, а в воображении. Перед мысленным взором.

– Как мы выражаемся! Ты неплохо в педколледже училась, я вижу.

– Местами да.

– Получится как докладчик какой-то.

– А ты с выражением. А я глаза закрою. Я так аудиокниги иногда слушаю. Ляжешь, глаза закроешь…

– И что слушала последнее?

– «Маленький принц».

– Ну да, что же еще.

– Плохая книжка?

– Да нет. Опошлили ее. Залапали, засалили. Как какую-то вещь, которой все пользуются.

– Сравнил!

– Хорошо, закрывай глаза, а то никогда не начнем.

Юна послушно закрыла глаза, поерзала, села боком к столу, прислонившись к стене, откинула голову.

Как у зубного врача, подумал Грошев.

Настрой был испорчен, но он начал читать и понемногу разошелся. Читал с душой, проникновенно, негромко.

> Здравствуй, Танечка.
>
> Только начал и сразу начал тупить. Какое может быть

«здравствуй», если человек умер?

А как?

Привет?

Доброй ночи?

Или, как сейчас выражаются, доброго времени суток? Пишут в электронных письмах, когда незнакомому человеку или малознакомому. В эсэмэсках тоже, мессенджерах всяких. Мода такая. Впрочем, уже прошла, культурные люди объяснили, что это неприлично. Сейчас много чего быстро возникает и тут же исчезает. Мелькающее время. Мельтешащее.

Слушай, ты же ничего не понимаешь, ты же ведь не знаешь, что это такое – электронные письма, эсэмэски, ничего не знаешь, ноутбуки эти все, планшеты, смартфоны, ты понятия не имеешь обо всех этих гаджетах, вот недаром их гаджетами зовут, поганое слово – гаджеты.

И что такое интернет, ты не знаешь. Я объясню, это просто. Представь: волны по всей земле через спутники, как радио, только другие, сам толком не понимаю до сих пор, какие они, и по ним передается абсолютно все. Тебе передают, ты передаешь. Картинки, разговаривать можно, информация, кино, короче, абсолютно все. На всякие устройства, в том числе размером с телефон, не такой, как был в наше время, не с трубкой, а коробочка меньше ладони с экраном. Мы могли бы с тобой по таким коробочкам постоянно говорить. И видеть друг друга. Удобно, но не то. Мне нравилось приходить к тебе наугад. Иногда ты была дома, иногда

нет. Сижу на лестнице, на ступеньках, жду. Кто-нибудь входит, шаги снизу – ты, не ты? Нет, тяжелые шаги, не ты. Я твои не всегда узнавал, у вас в подъезде много разных людей, девчонки какие-то проходили, пацаны, тоже шаги легкие, но это и было интересно – слушать, угадывать. Иногда так и не угадывал до твоего появления. И вот – ты. Будто опять и заново родилась. И я счастлив сразу до безумия.

Ты спрашиваешь:

«Давно сидишь?»

«Нет».

Всегда говорил «нет». Даже если час сидел или два. Мне нравилось сидеть и ждать.

Я влюбился в тебя в шестом классе. Сначала думал, что просто нравишься. А однажды проснулся и сразу подумал о тебе, о том, что пойду сейчас в школу и увижу тебя. И понял, что влюбился. И мне от этого необычно стало, не просто радостно, а будто в какое-то другое измерение попал и прямо готов спасибо себе сказать, что так повезло. Началось мое тайное счастье, но за весь шестой класс мы с тобой даже ни разу не разговаривали.

В седьмом классе, зимой, ты спросила, есть ли у кого красная ручка, и у меня была, и я тебе ее дал. Ты сказала: «Спасибо». Я спокойно ответил: «Пожалуйста», – и тут же отвернулся, чтобы никто ничего не заметил. Дома тысячу раз повторял памятью это «спасибо» – «пожалуйста», «спасибо» – «пожалуйста». Этого мне хватило до восьмого класса.

В восьмом у нас с тобой ничего не было. Или я не

помню? Нет, совсем ничего.

Зато в девятом классе у нас с тобой было целых два случая особой близости: первый – в начале учебного года, осенью; второй – в мае.

Осенью мы деревья сажали в школьном дворе, мальчишки ямы копают, девчонки саженцы носят, и ты принесла мне саженец, поставила в ямку, держишь, а я закапываю. А земля мокрая, и я забрызгал твои сапожки. Беда страшная, сапожки замшевые были, светло-коричневые, а главное, что не достанешь, дефицит, гонялись за ними, в очередях стояли, у спекулянтов доставали. Вопрос – зачем ты в таких драгоценных сапогах на субботник пришла? Наверно, потому что других не было. Или были такие, что стыдно надеть. Лучше уж рисковать, чем позориться.

Кому я это рассказываю, Танечка? Обращаюсь к тебе, но тебя нет. Сам для себя? Изливаю душу? Или надеюсь, что выйдет книга, не только для меня интересная? Да, пожалуй. А если и не выйдет, останется ощущение, что я с тобой поговорил.

Ну вот, засыпал я твои сапоги. Как получилось? Ты ствол держала криво, потому что стояла далеко, я говорю: «Поближе встань, а то вкось торчит». А ты не подошла, ты только наклонилась и руку вытянула, а сама говоришь: «Там грязно!» Сердито сказала, но как-то… как близкий человек. Работают в саду муж с женой и без злости переругиваются, по-свойски, по-родственному, так я это увидел. И начал швырять землю быстрее, чтобы ты не устала стоять с вытянутой рукой,

поэтому и сыпанул на сапоги. И ты отпустила дерево, оно и так уже держалось, стряхнула крошки земли ладошкой и закричала: «Ты чего наделал, дурак?»

На чужих так не ругаются, и я прямо офигел от удовольствия, будто меня наградили.

Ты побежала к трубе, там труба была с водой, смочила платок, чистила.

А на следующий день я подошел в раздевалке: «Все нормально, следов не осталось?» И ты сказала, что тебя мама научила присыпать мукой, а потом смыть и просушить.

«Ничего не заметно, видишь?» – ты показывала сапог.

И внимательно смотрела не на сапог, а на меня. Потому что пятнышки там все-таки немного видно было. И от меня зависело, успокоишься ты или нет. Я сказал: «Абсолютно не заметно, как новые». Уверенно сказал, честно. Но ты не очень поверила, слишком умная и проницательная. И все-таки тебе было приятно. У нас будто сговор был: я не вижу, ты не видишь, значит, никто не заметит, а если и заметит, неважно, главное ведь не в том, что кто-то что-то видит, на что ты не хочешь, чтобы обращали внимание, а то, чтобы тебя это не волновало. И это был хороший момент, чтобы продолжить, то есть начать, наши отношения, но меня будто что-то остановило.

Следующий случай был в мае. Опять субботник, убираем территорию, ты была в платке, на сельских женщин похожа, повзрослела сразу лет на пять, и вот ты

ходила в этом платке, сгребала граблями листья, мусор. И у тебя сломалась рукоятка. По чему-то твердому ты ударила, по камню, наверно, и она сломалась. И я вижу, что ты расстроенная стоишь, надо ведь идти к завхозше, а завхозша у нас была злющая старуха, вечно кричала, что мы все портим, потому что не свое. Любимая у нее была тема: не свое, вот и портите. Я подошел, смотрю, там в палке сучок был, вот по сучку и сломалось. Говорю тебе: «Это из-за сучка. Возьми мои, а я пойду заменю».

Пошел к завхозше, она ругаться начала, я про сучок объяснил, она дала другие грабли, я пошел опять к тебе. Стоим рядом и работаем, гребем граблями. Я старался в такт с тобой это делать. Кинули грабли вперед, зубьями зацепили, на себя и шаг назад. И опять – кинули, зацепили, шаг назад. Синхронно. И я был счастлив и ничего больше не хотел.

Почему я не спешил, Танечка? Наверно, не хотел ничего промежуточного, ничего в духе «мальчик с девочкой дружил». Я хотел, чтобы сразу по-взрослому. Но для этого надо вырасти, вот я и терпел. Только мои друзья, Васька Ханов и Славка Кочергин, знали про тебя. Подначивали, чтобы я что-то сделал, рассекретился, но я на их подначки не покупался.

Я, Танечка, в отца пошел, не всем, но многим. Он никогда ни под кого не подстраивался. Инженером работал, начальником участка, принципиальный был, честный, о работягах заботился, а с начальством собачился, надоело, ушел в сборщики. Работа

своеобразная: каждый в отдельной кабинке сидит, слушает радио и собирает какие-то приборы. Что-то секретное для оборонки. Работа ручная, платят хорошо. А с мамой у него что-то поломалось. Я не вникал, не лез, не спрашивал. Отец в свою комнату замок врéзал, после работы приходит – и туда. Сидит, вино пьет, телевизор смотрит, специально для себя купленный, черно-белый. Ровно в десять отбой, а каждое утро в полседьмого выходит в костюме, побритый, одеколоном пахнет – и на работу. Ни разу не опоздал и больничный сроду не брал.

Мама ему один раз: «Ты несчастный человек, не живешь, а существуешь! На тебя страшно смотреть!»

А он ей:

«Ну и не смотри».

А потом серьезно:

«Кто несчастный, я бы поспорил. Ты вот мне говоришь, что смотреть на меня страшно, а мне все равно, как на меня смотрят. А вам, – говорит, – не только не все равно, вы от этого всю жизнь мучаетесь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.